

БОЛЬШОЕ ГОЛОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Васильев

18+

Михаил Васильев

Большое голодное путешествие

«Автор»

2022

Васильев М. Н.

Большое голодное путешествие / М. Н. Васильев — «Автор»,
2022

Книга о взрослении, о формировании вкуса, об эволюции мировоззрения, о дружбе... Откровенные, немного наивные размышления... Интересные встречи, грустные и забавные.... Жизненный путь автора с самого детства, сквозь призму кулинарных наблюдений и географических ассоциаций. Главы, отдаленно напоминающие новеллы, полные ностальгии, иронии и самоиронии. Содержит нецензурную брань.

© Васильев М. Н., 2022

© Автор, 2022

Михаил Васильев

Большое голодное путешествие

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Задумал книгу. Точнее, книжку. Созрел, накопил и собрал. Наступил тот самый момент. Ну, в смысле, что-нибудь написать. Вроде, что-то получается. Не зря же я перевел тонны бумаги. Стихи, пародии, статьи, письма. Даже, простите, пьеса. Постоянный поиск формы. И робкие шаги. (Почему-то, шаги всегда робкие.) Слово иногда поддается. Иногда упирается. А теперь – с чистого листа. И в новой тональности. Потому что сам вижу. Приехали. Полжизни позади. Надо делать выводы. Подводить какие-то итоги. Ни работы, ни перспектив... Может быть, извлеку какую-нибудь выгоду. И книжка мне поможет...

А как все начиналось. Баловень судьбы. Отличник. Куча способностей. Самых разных. Везде на первых ролях. Что-нибудь не так, – не переживай. Подстрахуем. Если нужно – исправим. Музыка – пожалуйста. Вот и отблески первых звезд. Мерцают, мерцают – и до свидания. Даже какой-то спорт (самому смешно) Институт. Прошел? – поздравляю. Не сдюжил? – давай в другой. Поможем! Ты, главное, не переживай! Работа – да какую хочешь! Ты только определись. А, ресторан... хочешь? Получай! Надоело? Ну почему же? Замаячила столица? Понятно... Ну ладно, – лети, голубок! И что? Опять не совладал? Не беда – возвращайся. Поможем. Главное, не переживай. Соберемся все вместе... и поможем! Папа, мама, бабушки, дедушки, дяди, тети, знакомые, незнакомые... Помогли? Вот и славненько. Дальше – сам. Мы, конечно, будем следить. Мало ли что... Хотя, нет...сам, сам...

И что в итоге? Монтаж, и подводим черту. Большая половина жизни – позади. Три семьи. Двое сыновей. Растерял все, что бережно собрано, накоплено, сохранено... Пустил по ветру... Развевал... Забыл... Разбил... Стоп!

И что получается. Получается, что надо взять у жизни перерыв... Отдышаться. Оглянуться назад и сделать выводы. Было же что-то, от чего можно оттолкнуться? Ведь, нужно оттолкнуться? И пойти дальше. Хватит себя хоронить...

Часто перебираю старые фотографии... Листаю дневники, заметки. Килограммы бумаги. Строчки, слова, буквы... Хотя, откровенно говоря, мне претит это бесконечное собирание зарисовок, шуток, метких фраз и черт знает, чего еще... ссылки, сноски, блокнотики, карандашики... а теперь еще и телефоны, диктофоны, sms-ки, перепосты, комменты... Лишние звонья. Смотрю на снимки, Каждый – и острая шутка, и короткая история, и небольшой рассказ. А память ходит по ним, как по конспекту. И диктует, диктует. Я уже говорил: наступил тот самый момент – объединить все это в какую-нибудь последовательность. Подшить и озаглавить. Я где-то читал, что если человек стоит лицом к прошлому, он в то же самое время мягким местом – обращен к будущему. Жестокое наблюдение. А если мне есть, что вспомнить? Тогда как? Что, вот так просто, – оставить, развеять и растерять? Половину жизни? Неужели я не могу оставить после себя хотя бы одну маленькую книжку? Что я расскажу своим сыновьям? Старший вырос без меня. Так получилось. В жизни бывает всякое. Если он задумается, каким был его отец? Чем жил, что сберег, что пронес... Коротких встреч, которые случались между нами не хватало для подобных объяснений. Для историй и воспоминаний. Возьмет книгу, полистает. Может быть, прочтет до конца, улыбнется. Или загрустит. Может быть, пристыдит, а может, и зауважает. Он сейчас ценит во мне музыканта. Хотя сам пошел гораздо дальше. Уже сейчас. Я против него, как говорится, – карапуз в сандаликах. И это придает сил. Младший висит на плечах, слушает стук по клавишам. Смотрит в экран, пытается дополнять, редактировать. И выдает такие шедевры! Я в последнее время все больше и больше думаю о его будущем.

Если моя книга увидит свет, есть кому подхватить факел. Он пытается шутить. По-серьезному шутить. Юмор у него взрослый, не по годам. Начнет писать – берегись!

А теперь пишу я. Пока не знаю, что из этого получится. Пишу, пока пишется... Я где-то читал или слышал, что Дюма, тот самый Дюма-отец, написал достаточно подробный кулинарный сборник. Уже неплохо. Но это – Дюма! А я, пока, – не Дюма. Поздно мне уже становиться Дюмой. Тем не менее, – кулинарный сборник, кулинарная книга, сборник рецептов. Что еще можно? Допустим, кулинарные путешествия. Или... кулинарные приключения. Вот о чем я смогу написать. А о чем еще, кроме, как о еде, и своей жизни в еде. Точнее, еде, которая стала частью моей жизни. Профессией – уж точно...

Решено. Кулинарные приключения. «С едой – по жизни». С самого детства... до перерыва. Как говорится, через страны и континенты. Вот и определились с жанром. И с названием разберемся. Допустим, «Страны»... И, допустим, «Рестораны»... Страны и рестораны. Страны – дороги, города, дома, люди... И рестораны, в смысле, еда. Хоть, в ресторанах, хоть, не в ресторанах. Просто еда...

Ведь не зря прошли, пролетели, проползли... эти двадцать лет ресторанной рутины. Двадцать лет креативных потуг и раздувания щек. Двадцать лет «жареной картошки и пельменных вариаций», ворующих официантов и зажавшихся поваров. Двадцать лет интриг и ревности, хамства и лизоблюдства. Неужели, все это – молча? Неужели все это – без дивидендов?

А поездки? Эти долгожданные, выстраданные поездки... Для чего придумывались все эти поездки? Для галочки в биографии? Для флажков на карте мира? Для завистливых взглядов соседа? Понятно, что не для этого. Тогда для чего. Для культурного обогащения? Для утоления жажды познания? Тоже нет. Да потому что, я, в культурно-познавательном плане – ничего из них не вынес. Слава Богу, хоть фотографии остались... Они – бумажные (или цифровые) свидетели этого «культурного обогащения». А что же я вынес? На память приходят вкусовые ощущения, названия ресторанов, меню, экзотические запахи, яркие краски в тарелках, какие-то рецепты... А еще... неоднократно утоленное чувство голода, смех от переедания, и, может быть, знакомства... В этих самых ресторанах... Неужели так просто? Неужели мной двигал только желудок? И в моем теле, вместо крови, течет желудочный сок? Нет, были еще люди. Стали появляться разные люди. Сами собой... Вырастали, отпочковывались... Из ресторанов и гостиниц, из повседневной жизни. Люди звали меня «туда». В гости и навсегда. Люди уезжали «туда», жили «там». Я считал их частью этих стран. Я больше не мог воспринимать страны без этих людей. Мне и страны, порой, были неинтересны без этих людей. Совсем запутался... О чем я пишу? Попробую разобраться. Снова начну перебирать фотографии, и разбираться. А потом – писать, писать, писать... Может быть, разберусь. Напишу. Найду своего читателя. Понимающего. Читающего. Наблюдающего. Может быть, голодного. И, чтобы, из «нашего» поколения. Зашоренного. Зашторенного... С воспоминаниями. О вкусах, радостях, эмоциях... Для которого поездки «За границу» были сродни полетам в космос. Для того, кто привозил «оттуда» не майки и джинсы, не фотографии с крокодилами, или кожаных верблюдов. А обыкновенные воспоминания, веселые и грустные. Человеческие. Буду ворошить ячейки памяти. И писать. Глядишь, что-нибудь и получится. Все-таки, «Страны и рестораны» – плохое название. Узкое. Почему только рестораны? Неужели ничего не было, кроме этих ресторанов? Я уже чувствую, как сужается круг моих потенциальных читателей. Подумаешь, рестораны. Как будто, кроме, как о ресторанах, и сказать не о чем. А чем нужно сказать? Нет, по-другому: что чаще всего предпочитает потенциальный читатель? Или... что больше всего нравится потенциальному читателю? Я общался с многими потенциальными читателями. Им нравится что-нибудь большое. Чтобы не за один раз. Чтобы посидеть и подумать. С этим как-то разобрались. А о чем потенциальный читатель больше всего любит читать? О любви? Пожалуй, нет. Даже само сочетание «Большая любовь» – не прокатывает. Это больше похоже на название фильма середины XX века. С какими-нибудь МХАТовскими звездами в главных ролях. Тогда, о чем?

О путешествиях? Точно! О путешествиях. Почти готово. «Большое путешествие». Тоже фильм получается. Приключенческий. Может быть, даже, французский. С Бельмондо в главной роли. Сразу представляешь крик чаек, парусник, жаркие страны, шумный базар, жажду пустынь. А еще пиратов, попугая, роковых красавиц и долгие переходы по льдам. Черт возьми. Опять узко. Чем расширить? Нет. Не так. Кто – главный герой? И правда, кто – главный герой. (Вспоминай, вспоминай.) Есть кто-то один, который проходит «красной нитью» через всю книжку? Сложно. Столько героев, событий, лет, чувств, эмоций... Еда? Опять узко. Еда не может чем-нибудь двигать. Еда не может мотивировать, заставлять. Еда не может идти «красной нитью». Тогда голод? Да-да, вам не показалось. Именно голод. Не просто голод как таковой. Голод, как хотение есть. Как неприятное ощущение в желудке. Как то, что движет целые народы от места к месту, заставляет срываться с мест и проделывать сотни километров, с котомками и тюками. С детьми, наконец... Это может быть голод, как страсть, как жажда познания, как мотивация – идти в перед, к новым странам и неожиданным открытиям... Ишь как завернул! Пора останавливаться...

Так я рассуждал, когда только приступал к первой главе. Пробовал перо, искал стиль... Упражнялся в слоге, в простоте... Потом, складывая страницу за страницей, главу за главой, кулинарная составляющая, как-то, сама собой отвалилась, отошла на второй план... Нет, конечно, в каждой стране или в каждом городе мне везло на забавные случаи, связанные с ресторанами, едой, выпивкой... Фистула собаки Павлова продолжала капать и выдавала новые ощущения, новые воспоминания. Но теперь я начинал смотреть на все эти кафе, рестораны и застолья, сквозь призму других проблем, обычных, житейских, через взаимоотношения с окружающим миром... Оценивая, уже, не вкус котлет и качество мебели. Смеясь, уже, не только над собственной наивностью. А, как бы, взрослея. С каждым предложением, с каждой выдернутой из памяти историей... книга постепенно начала писать сама себя... И процесс превратился в такое захватывающее приключение, после которого любой мой, пусть даже самый веселый кулинарный сборник, стал бы походять на скучную и сухую эпитафию... Приключение, которое больше похоже на путешествие... Да-да. На путешествие. Сами убедитесь.

ГЛАВА I

КАМЧАТКА И НЕ ТОЛЬКО. ГАСТРОБИОГРАФИЯ.

Легко писать о том, что любишь. Легко и приятно. Все, как-то, само получается. Я, например, люблю... еду. Во всех ее проявлениях. Может быть, за редким исключением. И говорить о ней могу бесконечно. Заявляю, что люди, равнодушно относящиеся к еде – лгут. И лгут, главным образом, себе. Что гораздо опаснее. Когда слышу фразы «Мне наплевать, что положить в желудок», или, там... «мне достаточно макарон с сосисками», включается внутренний распознаватель лжи. Ну врете же, сознайтесь – врете! А ограничение в еде – еще большее вранье. Я не осуждаю религиозные догмы. Либо ограничения по медицинским показателям. Если доктор скажет: «Стоит Вам съесть кусок жирной говядины – наступит армагеддон», – невольно задумаешься. Но, скажем, веганство – не более, чем дань моде. Скажите, зачем тогда выпускают веганский сыр, веганский паштет, или веганскую колбасу? Чтобы все это было похоже на настоящее? Выходит, вы действительно врете. Если не врете – значит, Вы – нехороший человек. Я, по этому поводу, говорю честно: «Еда для меня – одна из основ полноценного существования». Иногда кажется, что – самая главная. Никогда не соглашусь с фразой «мы едим для того, чтобы жить» Это, лишь, частный случай, обусловленный конкретными обстоятельствами. Если нет таких обстоятельств – фраза неактуальна. Лично мне далеко небезразлично – что, с кем, при каких обстоятельствах, в каких сочетаниях и тому подобное... Главное, естественно, «ЧТО»...

Часто задумываюсь, почему так происходит. Точнее, произошло... А, главное, с чего это все началось. Что явилось первопричиной такого фанатичного отношения к еде. И не нахожу однозначного ответа. Букет факторов. Мое отношение к еде не выросло, как гриб. Оно – созревало, эволюционировало. Развивалось, как Портрет Дориана Грея. То есть, вместе со мной. И сегодня – это огромное дерево, которое живет своей самостоятельной жизнью. И мимикрирует со мной. Или я с ним. Ветвисто как дерево, мощно как дерево... Питается соками как дерево. Через свои мощные корни. Циклично как дерево. И цветет, и опадает, и даже дает плоды... В зависимости от времени года, осадков и солнечной активности. В его ветвях живут птицы, в его коре заводятся вредители. Но оно живет вместе со мной. И погибнет вместе со мной. Если не даст молодых побегов. Боже, чего это я? Совсем в философию ударился... Все гораздо проще.

Итак, сначала. Все мы, как говорится, «родом – из детства». Я, например, родом – из особенного детства. Из советского детства. А это – уже диагноз. Скажете: «Ну и что в этом такого? Миллионы людей родом – из советского детства.» Я же – не только из советского. Мое «советское детство» прошло на Камчатке. А это уже – «камчатское советское детство». И, как тысячи «Камчатских советских детей», меня на лето вывозили в теплые края. То есть, на МАТЕРИК. Материк (читай – Теплые края) тогда начинался относительно недалеко. Хабаровск можно было считать Материком. Владивосток можно было считать Материком. У Владивостока, например, были все атрибуты Материка. Жара, море и поезда... Материк – это совсем другой мир. На Материке можно купаться в речке. На Материке можно однажды сесть в поезд и проехать больше, чем одну автобусную остановку. На Материке можно летом не надевать нижних штанов. Еще на Материке жили бабушки. У них были сады. Ну, в крайнем случае – огороды. А в садах и огородах... Можно было что-нибудь сорвать... и быстренько слопать. Предварительно помыв. Если не видит мама, то можно было и не мыть. Что-то особенное находилось на Материке. Самым весомым аргументом, при описании чего угодно, назвать ЭТО – МАТЕРИКОВСКИМ. Материковская квартира, материковская одежда, материковская колбаса. Вот так и прошло мое детство. А, поскольку я очень любил поесть и к еде относился с пиететом, то, по-настоящему влюбиться, я мог только... в материковскую еду. Но сейчас не об этом.

На Камчатке приходилось что-нибудь есть. С этим ничего не поделаешь. А что я любил из еды в своем камчатском детстве? Я не говорю сейчас о перекусах галетами, ирисками из гастронома, или таким лакомством, как вяленые спинки минтая. Такого или подобного добра в каждом регионе было навалом. Я говорю о домашней, или, так сказать, «цивильной» еде. В том детстве, когда я мог отдавать себе отчет, говорить «нет» и самостоятельно ранжировать ценности, самыми любимыми блюдами были блюда... из яиц. Я их боготворил, можно сказать, превозносил. То есть, я не представлял себя без куриных яиц.

Вот, скажем, яичница на сливочном масле. Бабушка пыталась сбивать меня с толку всевозможными помидорами, зеленым луком, салом... и даже колбасой. Ужас, да и только. Ведь, не было ничего прекраснее, чем обычная, хорошо прожаренная глазунья на сливочном масле. Никаких «сопелек», то есть, недожаренного желтка! Исключительно до упора. А вареное... Обычное вареное яйцо вкрутую. С солью. Потом я добавил к нему майонез. Но это был уже сознательный выбор. И, желательно, чтобы вареное яйцо полежало некоторое время. Желток немножко побледнел, даже посерел. Особый шик. А омлет. Обычный омлет на молоке и, все том же сливочном масле. Поэзия! Долгое время разбирался в причинах. Не нашел ответа. Само произошло. Честно. Меня вообще приучали быть честным. Таким, наверное, и остался. Что касается, куриных яиц – определенно. Позднее к куриным яйцам прибавились какие-то продукты, атрибуты, методы, технологии, новые названия. Бенедикт, фриттата, орсини. бризоль или шакшука... В один ряд с курицей становились перепелки, утки, страусы. Потом каким-то образом примотались сыры, бекон, ветчина, зелень... Даже крабы. Прилетали и приклеивались тысячи вариаций от польского соуса до оландеза. Но в те годы появление яйца на столе –

уже праздник. Обычный кулинарный праздник. Нет, кормили меня очень достойно. Не подумайте ничего такого. Просто яйцам уделялось особое место. Может быть, все дело в Камчатке? Сказать: «Я полюбил яичницу, потому что родился и вырос на Камчатке». Приговор какой-то. Не буду обижать малую родину. Обычное стечение обстоятельств. Хотя... Камчатка в те годы питалась особенно. Точнее, обособленно. Местные жители были полностью обеспечены картофелем, морковью или капустой. Сельское хозяйство – на уровне. Уникальная природа. Не без этого. На этом, наверное, и все. Выбор относительно скуден. Если не считать даров Посейдона. Но не есть же круглый год одну только рыбу! Чем спасались? Можно выделить три основных направления. Местный пищекомбинат, подвиги системы советского снабжения и, наконец, пресловутый, то есть, присноупомянутый материк. Посылки, передачи и гостинцы. Вот так и формировались предпочтения, настроения, тенденции и пристрастия. Вбросили торговые сети привозные консервы – каждая вторая семья имеет это на ужин. Выпустил пищекомбинат майонез под названием «Провансаль» – с салатами проблем нет. Вскрылись ото льда реки – по всем квартирам устойчивый запах жареной рыбы. Да могли и не вскрываться. Зимний период мог порадовать и корюшкой, и навагой, и даже свежей селедкой. Какова она в фольге, а! А с луком, а с лаврушкой... Но о ней – отдельно.

Помню, много лет спустя, в студенческие годы, проводил летние каникулы на малой родине. Времена были тяжелые. Перестройка, дефицит, алкогольное регулирование. Контроль за добычей рыбы был не таким жестким. К тому же, развивалось и крепло дачное движение. Часто повторялась ситуация, когда заходишь к любому приятелю домой, он усаживает за стол, а меню не предлагает. Если и предлагает, то его можно не читать. Спирт «Рояль», клубничная вода, то есть, клубника с сахаром и водой, и, естественно, икра. И так – в каждой квартире. Без исключения.

О чем я? Ах, да... детство. В общем, я подрастал. Меня вывозили на этот самый материк. Начались первые кулинарные открытия. Запахи, вкусы. До головокружения. И на всю жизнь. Эти запахи ни с чем не сравнить. Аэропорт. Самолет Ил-62. Горячий воздух материка. Автомобиль, точнее, «Жигули». Первое кулинарное откровение. Спелый помидор, крупная соль, черный хлеб и любительская колбаса. Именно любительская, широкая такая, с вкраплениями жирка. Это материковские вкусы. Такого не было на малой родине. И нет до сих пор. Запах поезда, ни с чем не сравнимый. Гудрон, дерматин спальных полок. А еще, курица в целлофановом пакете, молодая картошка с укропом, малосольные огурцы. И чай в дребезжащем стакане...

Первый кулинарный шок в положительном смысле я испытал в пять лет. Когда мы на машине отправились в Крым. Недалеко от городка Джанкой, прямо на дороге, на одном из перекрестков, стоял мангал, возле которого кружил колоритный хозяин. Нет, не хозяин. Тогда хозяев не было. В общем, продавец. Он же мангальщик. Из «южных». Колоритный. С усами. Несколько высоких столиков, навес, дрова, какие-то ящики... Останавливались машины. Люди покупали шашлык, отъезжали. Некоторые ели прямо на месте. Мои родители тоже решили остановиться. Жара в те годы не воспринималась как наказание. Даже без кондиционера.

Тарелочка из фольги с рифлеными краями. Кучка горячего мяса, даже не помню какого, лук с уксусной кислинкой, томатный соус, пара кусочков хлеба. На этом описание можно остановить. Дальше началось нечто невообразимое. Я жил напрасно целых пять лет. Почему вы мне раньше никогда ничего подобного не предлагали? Сколько раз я потом пытался это повторить. Тот же набор. Мясо, лук, уксус, хлеб, зелень... Колдовал над соусом. Ставил ржавый мангал. Находил выдавшие виды шампуров, дрова из старых досок. Рядом, для антуража, ставил несколько деревянных ящиков... Бесполезно. Не то! Эта тайна так и осталась нераскрытой. Что-то похожее встретилось позже, уже в студенческие годы. В том же Крыму. На перевале

Ласпи. Наш автобус остановился возле подобной кафешки. Показалось, что нашел. «Вот он! Запах из детства.» Начал жевать – иллюзия развеялась. Жалкое подобие.

С этого момента я понял, ради чего стоит жить. Вернее, проводить время. Я начал искать свой любимый и неповторимый вкус. Признаться, ишу его до сих пор. Оказалось, что вкус – вещь переменчивая, даже капризная. И эволюционирует вместе с тобой. Но об этом, или, приблизительно об этом, я уже говорил.

Итак, после того лета я принялся искать новые вкусовые ощущения. На мою детскую, еще чистую палитру ложились новые и новые краски. В основном, хорошие. Плохих было не так много. То есть, совсем немного. Неприятие ненавистных продуктов я пронес через всю свою жизнь. Искал компромиссы, но нелюбовь к ним победила. Пора озвучить имена этих мерзостей. Во-первых, это вареный лук. С некоторыми вариациями в виде жареного, тушеного или запеченного... Во-вторых, перловка. Чего я с ней только не делал. И жарил, как попкорн. И перемалывал, и проращивал, и обжигал, и коптил. Смешивал с медом, луком, грибами и еще черт знает с чем... Бесполезно. Отвращение устояло. И, наконец, тыква. От одного слова «тыква» мне становится дурно. До сих пор. Пожалуй, еще одна комбинация продуктов вызывала и вызывает у меня устойчивые негативные реакции. Так называемый, салат «Оливье» в советской интерпретации. Немыслимый набор из вареной колбасы, маринованных огурцов и сухого зеленого горошка из стеклянной банки. С этим адским набором я неоднократно пытался совладать. Безуспешно.

Радостных ощущений было больше. Каждое – как отдельная повесть, картина, или даже кино... Начнем, естественно, с пельменей. Ах, пельмени... Современная промышленность превратила этот шедевр в пошлый ширпотреб. Из непонятных продуктов. Безжалостно замороженные... А тогда... Главное в этом деле – процесс. Ну и, конечно, повод. А повод в большой семье – дело привычное. Допустим, мужики у тещи собрались. В карты поиграть, покурить, обсудить рыбалку и политические новости. Дети безобразничают в соседней комнате. Дети – это мы. Женщины – хлопочут на кухне. Изредка мы забегаем туда. На запахи. Нам, естественно: «Брысь! Всеу свое время. Потерпите...» Или «Не перебивайте аппетит...» И тому подобное... И шел процесс. Процесс алхимический. С четко распределенными ролями. Рецепт-тура была, пожалуй, стандартной. Классической для того времени. Другой просто не знали. И знать не хотели. Какие, уж там, кулинарные блоггеры, модные мастер-классы или персональные странички! Хрестоматия советской кулинарии. С неизменной атрибутикой. Мясорубка, пару мисок, доски, припорошенные мукой... Сливочное масло, запах лаврушки в бульоне, от которого кружилась голова. А уксус? Некоторые современные гурманы не знают, зачем нужен уксус. Да еще присыпанный перцем... Дальше – возможны вариации. Горчица, сметана, домашняя аджика... Даже, извиняюсь, майонез. Коллективный труд в ореоле волнующих запахов. Никакой заморозки. Налепил – сварил. На всю нашу громкую толпу. Азарт при ожидании счастливого пельменя. Мы искренне верили, что этот кусочек теста принесет счастье. А что такое вообще – счастье? Тем более... в семь, восемь, девять лет.

При чем здесь Камчатка? – спросите вы, – пельмени можно было лепить в любом другом регионе. Были регионы, для которых пельмени являлись неотъемлемой частью местного колорита. Согласен. Камчатка, наверное, ни при чем. Хотя, кто знает... Кто, например, может похвастаться пельменями, скажем, из чавычи? Уверен, многие поморщатся. Или удивленно пожмут плечами. Не буду их осуждать. Непонимание не является грехом. Итак... Продолжу.

Что касается кулинарии, в мою жизнь она вошла через детское любопытство и, может быть, через голодный азарт. Что-то из разряда «большие пацаны сказали». Кулинарная Камчатка начала открываться для меня, когда я стал наведываться в ближайший лесок. А лесок был – повсюду. Начинался, буквально, за соседним домом. И таил новые вкусовые ощущения. Самое яркое из них – черемша. Кто-нибудь слышал о черемше? Нет, не этой невзрачной бледно-зеленой травке с невыразительным запахом. Я хочу сказать о жемчужине камчатского

весеннего леса. А весна на Камчатке – поздняя. И вот, среди прошлогодней пожухлой листвы, в островках первой робкой зелени... Стоят и зовут! Полянами. Толстые сочные стебли, белые у корня, переходящие в бордовые, а в конце – ярко-зеленые листья. Запах – непередаваемый. Верх примитива – связывать его только с одним чесноком! Это запах весны. Стремительной, дерзкой, скоротечной. Хочешь – жарь, хочешь – кроши в салат, хочешь – даже с борщом. Обычно ее употребляли с горячей картошкой. Порезать не очень мелко, обдать кипятком, откинуть на дуршлаг... а дальше – немного подсолнечного масла, душистого (другого – не было) Посолить, побрызгать уксусом. Такого весеннего салата никогда не хватало. Казалось, я мог его уплетать, пока не остановят. Не задумываясь о последствиях. В конце апреля, когда сходил снег, а кое-где, в низинах еще оставались серые холодные сугробы, вся детвора устремлялась в лес. Горячий хлеб за 28 копеек, горсть соли в кармане. А, если хорошо подготовиться, – несколько клубней картошки. Заблаговременно приготовленные спички. Ценнейший груз. И... вот он. Готовый пир! Костерок, печеная картошка, хрустящая корочка хлеба и море черемши. В мае, в большинстве классов, стоял невообразимый устойчивый «аромат». Неподготовленного человека, зашедшего со свежего воздуха, могло быть запросто свалить в обморок. Региональный недостаток витаминов с лихвой компенсировался этим душистым растением. Я потом часто задумывался: «И как было возможно, что участники первых камчатских экспедиций гибли от цынги?»

Потом мы узнали, что такое жимолость. Набрасаешь в пустую бутылку спелых синих ягод. От запаха – скулы сводит. Очистишь от влажной коры веточку ивы – и готов десерт. Опускаешь палочку в яркую ягодную массу, и отправляешь в рот. А если, вдруг, в кармане, припасена горсточка сахара, пусть с ворсинками, не беда... Руки – фиолетовые, губы фиолетовые, щеки – фиолетовые, языки – фиолетовые... И счастье – где-то близко!

Потом родители стали привозить из леса бруснику. Которая превращалась в божественную брусничную воду. Что может сравниться с брусничным сиропом с морозного балкона, да еще разведенным водой из-под крана? Да-да, камчатской водой из-под крана. Пепси-кола? Или, какая-нибудь, фанта? Не смешите!

Когда, в апреле, начинали с грохотом вскрываться речки, папы брали нас на весеннюю рыбалку! Чтобы сварить ухи из сковородников. Тогда открывалась другая Камчатка. Камчатка – рыбацкая. Я с твердостью могу заявить, что в нежном возрасте знакомство с рыбной кулинарией нужно начинать именно со сковородников. Таких молоденьких рыбешек. Молоденьких, как ты сам. Сковородник – это, на самом деле, голец. Только маленький. Не знаю, кто придумал называть молодого гольца сковородником. Видимо, оттого, что он целиком помещается на небольшой сковородке. И главное блюдо из него – несомненно уха. И, непременно, на костре. Две картофелины, луковица которую нельзя резать (только целиком), соль, перец, лавровый лист. Если повезло – горсть укропа. Можно, конечно, немного повыпендриваться. Лимон, сливочное масло, кусочки сала, лучше копченого, стручки острого перца... Насколько вашей фантазии хватит. Кто-то скажет об обязательной рюмке водки, чтобы именно – в котелок. Поговаривают о тлеющей головешке... Лишнее. Главное – рыба! Внушительная горсть сковородников. Скольких, душистых... На выходе – нечто волшебное, сладкое. Ни с чем не сравнить. Чуть не забыл! Деревянная ложка. Без нее – никак! Для компаний постарше – эмалированное ведро, куски чавычи, или, на крайний случай, кеты. Да что там кеты, любого другого лосося. Плюс много зелени и, какая-нибудь, секретная специя. А в детстве – только вышеперечисленный набор. И ничего больше.

Я не стану углубляться в детское местечковое гурманство. Меня мало кто поймет, если я начну рассказывать о молодых, нежно-зеленых побегах шиповника. Хрустящих, сочных, с терпким вкусом. О молодом борщевике, похожем на молодую морковь. Сейчас я и сам не рискну полакомиться такой экзотикой. За исключением, может быть, папоротника. Только папоротник – это не исключение. Его нельзя обойти вниманием. О нем можно написать

отдельно. Несколько страниц. Мелким почерком. Познакомили меня с папоротником, естественно, родители. И не дома, а в ресторане. Если то самое заведение можно было назвать рестораном. Не стану его рекламировать. Хотя, название помню. Его уже и в помине нет. Папоротник стал очередным кулинарным открытием. Не шашлык, конечно, и не пельмени. Он разместился на отдельной полке. И его я, как-нибудь, подробно опишу.

Камчатка, тем временем, раскрывалась все новыми и новыми кулинарными красками. Со всей мощью собственной красоты с одной стороны, и воздействием, которое оказывает полная изоляция – с другой. Наши родители, как могли, пытались раскрасить скудное предложение. Плюс местная природа, плюс причуды советского снабжения, плюс присутствие симпатичного национального элемента. Эти факторы, безусловно, и сформировали мое незащищенное гастрономическое мировоззрение. По крайней мере, пока я не начал думать сам. А точнее, пока голод не стал управлять моими руками без посторонней помощи. Помню все до мелочей. Что, у кого, в каком году, и при каких обстоятельствах... Создавалось впечатление, что окружающий мир, прямо или опосредованно, взялся за мою гастрономическую личность. Камчатка боролась с родителями, родители – с Камчаткой. В ход шли уговоры, угрозы, обещания, даже запрещенные приемы... все – ради моего вкусового «Я». В результате, все проиграли. Или победили. Непонятно. Я не переметнулся ни в один лагерь. Все, что предлагали мне обстоятельства, благополучно перемешалось в моем неокрепшем сознании. Калейдоскоп событий и вкусов. Сначала папа принес домой «ХЕ». Это такое блюдо из сырого мяса. Взрыв! Потом его угостили перцовой пастой, которую готовят, чуть ли, не в противогазе. Еще один взрыв. Потом он привез с рыбалки много свежей селедки. Мама приготовила нечто фантастическое. Каждая рыбка заворачивается в фольгу, с луком, кусочком сливочного масла, солью, перцем и лавровым листочком. По квартире распространяется умопомрачительный запах. Блюдо навсегда поселилось в личном рейтинге.

Потом началась совершенно другая история. Папа принес целую коробку венгерского лечо и ящик прекрасной говяжьей тушенки. Другой просто не было. Какой из этого следует вывод? Срочно объединить эти два продукта. Разогреваешь тушенку, добавляешь лечо. Немного перца. Или много перца. Как душа пожелает. Можно использовать перцовую пасту, принесенную ранее. Ту, которую в противогазе... Много лет спустя я это попробую под названием «Чили кон карне». А в тот момент – какое «чили»? Какое «кон карне»? Готова очередная гастрономическая радость.

Потом мама объявила о «мясе по-французски». Кто-то принес на работу свой личный «архив». Увесистую картонную папку «Дело» с завязками. На одной из строк шариковой ручкой, или даже фломастером, было аккуратно выведено слово «РЕЦЕПТЫ». Многие хозяйки в те времена имели подобный «архив». Из вырезанных ножницами журнальных статей, открыток, страниц отрывного календаря, исписанных тетрадных листков... Передаваемый по наследству, пополняемый и бережно хранимый. Это «мясо по-французски» – оттуда. Примитивно, но бронебойно. Мясо-лук-сыр, мясо-лук-сыр, и так далее. Плюс некоторые специи и немного масла. Ну, вот, зачем? Душа опять заметалась. Этим поступком «мамин» лагерь пошел в решительное наступление.

Потом на повестку дня вышло чахохбили. С гречкой. Именно с гречкой. Ни с чем другим. Очередной успех, хоть и промежуточный. И короткая передышка. Что? То же самое, только из утки? Ну хватит! Дайте хоть дух перевести.

Потом в бой вступило изолированное камчатское снабжение. Точнее, его издержки. Завезли какой-нибудь продукт – этот продукт распространяется повсеместно. Вот, казалось бы, ты уже избалован, подкован и искушен. Тебе хочется чего-нибудь, эдакого... А, вот, перебьешься. Полки магазинов не радуют пестротой. На полках – очередной венгерский или болгарский шедевр. И население в очередной раз употребляет один и тот же продукт. В памяти всплывают названия: «Охотничий салат», «Дунайский салат», «Асеница», «Маринованные

огурчики», в пузатой, восьмисотграммовой банке, «Томаты в собственном соку», «Гювеч», «Перцы, фаршированные овощами» ... Жизнерадостная тетка с этикетки надолго заселяется в каждую квартиру. А кетчуп, до которого далеко старику Хайнцу! А молдавские соки в трехлитровых банках! Ррраз... и это в каждой квартире, на каждом столе, в каждой подсобке, в каждом турпоходе или на каждом культурном мероприятии... Вкусы приедались до оскомины. Вообще, с подобным снабжением можно было только мириться. И не только в еде. Некоторых, конечно, выручал все тот же материк, кто-нибудь вообще... «ходил в загранку». А что делать простому среднестатистическому человеку? Вовремя заметить скопление народа возле магазина. Спрашивать – бесполезно. Это называлось «что-то дают»... Отстоять длиннющую очередь. Потом – в кассу. И получить заветный пергаментный сверток. Совершенно неважно, чего... Колбаса, курица, селедка, конфеты, консервы, помидоры, яблоки... То же самое – с любым товаром. Даже с одеждой. Я бы сказал, особенно с одеждой. Иногда выручала близость Японии, а иногда – чересчур. Помнится, в старших классах, на одном из импровизированных модных показов, кто-то пошел дальше всех в дерзости, помноженной на реализм. Целый класс ходил взад-вперед по сцене, нарядившись в знаменитые куртки «Аляска». Японского производства. Сопровождая ироничными комментариями. Ребята не поленились и сосчитали, что в нашем небольшом городке, в среднем за один час по главной площади проходит девяносто человек в этих самых «алясках». Мужчины и женщины, девочки и мальчики. В шапках, платках, обмотанные шарфами и без них, в сапогах, валенках, ботинках и кроссовках. Но – в «алясках». Синих, черных, зеленых... С неизменными капюшонами с синтетической опушкой. Вот что значит – централизованное снабжение...

Что-то я отвлекся. Хватит о грустном! вернемся к формированию вкуса. Моего вкуса. Что же дальше? Подключались соседи, родственники или просто хорошие знакомые. А также сослуживцы родителей. Все это связывалось с советским понятием «пойти в гости». А гости – это значит «прошу за стол». В моем случае, самые ближайшие «гости» находились в нескольких сантиметрах. То есть, в соседней квартире. Моя личная коллекция пополнилась курицей «на соли», от которой потом несколько часов проветривали. И блины. Да, да, обыкновенные блины, которыми регулярно угощала соседка. Боже, какие это были блины! Нежные, воздушные... С миллионами маленьких дырочек. С вареньем или повидлом, медом или сгущенкой, маслом, сметаной, жидким яичным желтком... Вкусные настолько, что их буквально противопоказанно было чем-нибудь фаршировать. Я вообще считаю, что фаршируют блины исключительно для нивелирования собственного бессилия. К этому празднику вкуса некоторые предпочитали чай. Я же настаивал на холодном молоке. Литр – не меньше! И, по возможности, залпом.

Иногда, в часы максимально приподнятого настроения родителей, меня отпускали к моей кухне. С ночевкой. Я ждал этого момента с трепетом, с придыханием. Ночные посиделки, с диафильмами. Не знаю, помнит ли кто-нибудь такое развлечение. Там, для меня явились настоящим откровением два совершенно неожиданных, по тем временам, продукта. Зеленый салат и консервированная сайра. Ну, зеленый салат, понятно – почему... Семья моей тетушки была с претензией на интеллигентность... Петропавловск. То есть, почти столица... А сайра в банке... Что сказать о сайре? Попробовал... и обомлел! Такой сайры сейчас нет. И вряд ли будет. Скажете, ностальгический скулеж? Отчасти – да. В этом плане, я – консерватор. То есть, утверждаю, что раньше консервы были – ого-го! А, если разобраться... Сайра – нежнейшая рыба! Ее готовили исключительно в море. На огромных плавбазах. Не имея ни малейшего представления о заморозке, транспортировке и, не дай Бог, хранении. Тогда понимали, что сайру нужно готовить исключительно в день вылова.

Был, правда, еще один продукт в тех «гостях». Точнее, блюдо. Тетушка никогда не держала рецепт в секрете. Во-первых, ничего друг от друга не скрывали. А во-вторых, скрывать было нечего. Просто до банальности. Сначала нашинковать капусту, память хорошенько...

Дальше – соль, уксус, чеснок. Затем мелко порезать мясо, любое, хоть жирную баранину. Разогреть масло, буквально, бухнуть туда красного перца. И быстро обжарить мясо в этом раскаленной смеси. Ну как обжарить... Просто, чтобы побелело. Затем – вывалить в капусту вместе с горячим маслом. Перемешать, и... Я мог употребить этого салата, столько, что... Короче, пока он есть. То есть, до бесконечности...

Я подрастал, а, вместе со мной – моя страсть к еде. Тоже подрастала, эволюционировала. Изредка омрачая беззаботную картинку каким-нибудь жареным луком. Лук, буквально преследовал меня. Не отпускал. Я пытался избавляться от него. Как мог. Готовит папа уху, вываривает целую луковичу. Я пытался ее не замечать. «Папа, съешь сразу! Чтобы я не видел» Готовим жаркое – распространяется волнительный запах. От лука опять нет спасения. Пытался выбирать. Папа раздражался: «Шелудивый поросенок!» Борщи, гуляши, солянки, начинки... Всюду – лук. Воевал, наверное, до студенчества. Пока не проголодался. На самом деле, без баловства и хулиганства. И, однажды, решился. Съел! В итоге, так полюбил, что некоторое время сам искал встречи с жареным луком. Отдельно готовил жареный лук! А окончательный, решающий удар по луку нанес при помощи французского друга, по совместительству, шефа. Он приготовил классический парижский луковый суп. С вином, сливочным маслом, гренками и сыром... Больше я с луком не воевал. Единственное, с чем я не справился, так, это со сладостями. Нет, я не враг сладкого. И сладкое – не враг мне. Просто равнодушен. Ну, не трепещу. Говорят, что все мужчины – безнадёжные сладкоежки. Так это – ложь. И я, тому – живой пример. Даже к чаю... Зато, при употреблении чая, приобрел неподдельную страсть ко, всякого рода, сочетаниям, смесям. С алхимическим азартом люблю смешивать все со всем. Причем, самым неожиданным образом. Не могу даже чаю выпить, если в нем не намешано всякого... Клубника, земляника, брусника, яблоко, слива, рябина, жимолость... Про лимон скромно умалчиваю.

Потом, неизвестно откуда, во мне разгорелась неудержимая страсть к кулинарным приключениям. Наступил момент, когда я обнаружил, что не хочу есть дома. Объяснял себе, оправдывался, приводил примеры... Мол, так как я, не питается никто (из моего окружения). Какие шедевры, на тот момент, готовила мама, какие посылки получали, а что из отпусков привозили... Ни в какую! Вот, не хочу есть дома и все! Где угодно, только не дома. В гостях, в небольших походах, на даче, в кафе, закусочных, пельменных, пирожковых, котлетных... Даже, простите, в ресторанах. Если эти заведения можно было так назвать. Но особый трепет, необъяснимый и волнующий, вызывали всякого рода столовые. И чем похабнее, тем интереснее. Городские, заводские, ведомственные, где бы не посчастливилось есть. Вплоть до школьных. С их устоявшимися запахами, скудным ассортиментом, алюминиевыми вилками и гра-ненными стаканами. Стояние в очереди, само по себе, вызывало обильное слюноотделение. Немыслимые салаты, резиновый кальмар, желто-зеленые помидоры, капуста, свекла, винегрет, яйцо под засохшим майонезом. Супы в огромных кастрюлях. Парящий мармит... на нем мясо с подливой, лотки жареной рыбы, котлеты, биточки. Немыслимого вида. Соответствующего вкуса.

– Что на гарнир будете. Гречка, макароны? (И ты мечешься между кулинарными шедеврами). «Ну что?...Гречку. Макароны?»

– Пожалуй, макароны. (Женщина бросает в тарелку кусок серых, слипшихся макарон.)

– Полить? (отрешенным голосом)

– Конечно полить. (из соусной ложки в тарелку полилась густая жидкость неопределенного цвета)

И ты идешь с подносом к столику, предвкушая священнодействие... Протираешь вилки салфеткой. Потому что так делают все. Посыпаешь содержимое тарелок солью, чтобы раскрасить блеклую вкусовую палитру... Не знаю почему, но тайная страсть к столовым у меня осталась до сих пор. Если есть возможность – нахожу столовую. Или просто иду на запах. Потом

– хожу с подносом. Ставлю тарелки, сдерживая спазмы от возникшего голода... Современные столовые – совсем другое дело... и ассортимент, и подача. Соусы, специи... Но все равно остаются столовыми.

Попадались, конечно, приличные. Ведомственные. Деревянная мебель, тонкие стаканы с морсом, горчица на столах... Однажды посчастливилось пообедать на одной знаменитой плавбазе, во время школьной экскурсии. Праздник! Тогда очень позавидовал морякам. Думал, что со временем, в какой-нибудь институтской столовой, поутихнет моя страсть. А вот и нет. Только усилилась. Правда, в копилку кулинарных шедевров из столовых ничего не упало. Стихийная любовь. По настроению. Бывает, что так захочется... Аж скрутит. Потом – живот скрутит.

А что институт? Время голодных экспериментов. Смотришь на любой продукт, возникают идеи. Недостающие ингредиенты собираются по комнатам. «Через полтора часа – прошу на ужин!» Проходит полтора часа, и в дверь ломится толпа разъяренных приятелей. «Готово?» Так, мало по малу формировались в голове очертания будущего ресторана. Почему ресторана? Институт совсем не гастрономический. А, вот, не знаю почему... Припоминается один случай. На одной из приятельских посиделок, перед свадьбой моего друга, в кафе, где он работал, скопилось много народу. Друзья, знакомые, случайные гости. Своеобразные проводы холостяцкой жизни. Выпивали, закусывали, смеялись... Я тогда много шутил, хохмил, рисовался. Хотел произвести впечатление на одну девушку. Кто-то из присутствующих, поднимая очередной бокал, повернулся ко мне и сказал: «Быть тебе... директором ресторана!» И произнес эту фразу так, как будто пожелал самой наилучшей судьбы при всех возможных сценариях. Торжественно, с паузами и придыханием. Я тогда улыбнулся и не придавал значения. Потом задумался и припомнил еще несколько таких «знамений». И тогда, в институтской общаге, после очередного спасения голодной толпы, я серьезно подумал о будущей судьбе. Успокаивал себя: «Просто еще время не пришло»

Кстати, тогда, в институте, сами собой образовались такие гастрономические сочетания, на которые в обычных, сытых обстоятельствах не обратишь внимания. Но прошли годы, а я их использую по сей день. Считается, что в гастрономии нет ничего случайного. Все имеет свою предысторию. Как с едой, так и с напитками. Есть вполне обоснованные исторические объяснения, например, текилы с солью, или мексиканского пива с лимоном в горлышке, или виски с колой, или состава майонеза, или формы японских маки... В моем случае, такие сочетания получились спонтанно, в силу стечения обстоятельств. Но закрепились навечно. Некоторыми они покажутся странными, смешными, чересчур необычными. Или напротив, очень обычными. Но я готов биться за каждое. И доказывать, и отстаивать. Хотя я далеко не Поль Бокюз. Я даже не повар. А вот увидите. Пройдет время, и это станет классикой мировой кулинарии. Я серьезно. Наверняка, многие из вас сталкивались с ними, и сталкиваются до сих пор, просто не придают значения. Остановитесь, оглянитесь и констатируйте! Вы близки к великим кулинарным открытиям. Вот некоторые из них. Давайте по порядку. Вкратце. Полный список – для отдельной книги.

Жареная картошка, приготовленная по всем правилам, то есть, с аппетитным румянцем и с добавлением лаврового листа... идеально сочетается с томатным соком. Бутерброд с филе копченого лосося, на багете, или на белой «камчатской» буханке с хрустящей корочкой, но обязательно со сливочным маслом, немыслим без чашки крепкого черного чая с сахаром. Если хочется чего-нибудь необычного сладкого, (только не пирожного), то разогрейте забытый в холодильнике отварной рис в большом количестве сливочного масла и всыпьте туда внушительную порцию сахарного песка. Сочетание горячего риса, масла и хрустящего на зубах сахарного песка приятно вас удивит. Для приготовления самых вкусных в мире вареников необходимо взять порядком проквашенную капусту и хорошо прожарить ее с луком. Вряд ли такая начинка оставит кого-то равнодушным. Нисколько не помешают, а только усилят яркие вку-

совые ощущения от таких вареников классические для данной ситуации шкварки с луком и чесноком. В горячую гречневую кашу нужно покрошить порезанный кубиком твердый сыр, добавить сладкой консервированной кукурузы и перемешать, пока сыр не начнет плавиться. Будет вам и гарнир, и самостоятельное блюдо. Щи с кислой капустой и сухими грибами лучше всего варить на свиной рульке. Бульон обязательно должен быть мутным, и, буквально, обязан пахнуть холодцом. В этом меня никто не разубедит. Отварной говяжий язык, желательно горячий, лучше всего сочетается с домашней аджикой. То есть с пропущенными через мясорубку помидорами, сладким и жгучим перцем и, естественно, чесноком. И никакой горошек, хрен и, тем более, майонез не сравнится с этим сочетанием. А, что касается спиртного... Попробуйте запить рюмку Зубровки не чем-нибудь, а стаканом холодного молока. И немного подержите во рту. Вам откроется неведомое доселе гастрономическое блаженство. И не беспокойтесь о последствиях. Только мягкое опьянение. Пожалуй, достаточно на первый случай. Как-нибудь, я подробнее опишу спустившиеся на меня кулинарные откровения. А вы скажете: «да мы так постоянно едим! Вот удивил! Тоже мне...»

Закончилась учеба, и встал естественный вопрос. Чем себя занять. Я подумал, что ничего, все-таки, пока лучше для себя не придумал, кроме общепита. Вопрос решен совместно с умерщвлением нескольких зайцев. Материальная составляющая, удовлетворение постоянных гастрономических потребностей плюс самореализация. Первый ресторан случился, естественно, на Камчатке. А где же еще? Уж где, как не здесь – реализовывать гастрономические амбиции и вкусовые пристрастия? Если все возможности для этого имеются. Дары природы, материальные возможности плюс не очень искушенная публика, над которой можно производить кулинарные эксперименты. Никто тебе не скажет: «Так ЭТО не едят, ЭТО с ЭТИМ не принято, и так далее...» Шли месяцы и годы. Публика путешествовала, куда-то заходила, что-то ела. Эксперименты ради экспериментов уже не прокатывали. Оставался беспроигрышный вариант. То есть, бронебойная советская классика. Это сейчас она в модных трендах. Современная, молодая и дерзкая публика просто ничего этого не помнит, то есть, даже не слышала об этом. Ей многое из избитой советской классики кажется оригинальным. В те годы на помощь местным ресторанам приходила матушка-природа. То есть, камчатская природа. Выручала своими дарами. Просто и непринужденно. И тут не до экспериментов. Нужно просто нормально приготовить. Или, на тот, момент, правильно, с присущей мне, кулинарной любознательностью. Или, в конце концов, моим постоянным желанием есть. Только послушайте. Далеко не полный список ингредиентов, который мы были вынуждены бросать в сковороды, жаровни, кастрюли, сотейники... а потом и в тарелки. Папоротник, соленые грузди, камчатский краб (мясо и клешни), морской гребешок... Начался сезон охоты – мешками несут зайцев. Кто-нибудь приехал с «северов» – холодильник заполнен олениной. Каждое лето рестораны заваливают лососем и икрой. С чем чаю попить? Вот она – жимолость, вот она – брусника... Я описываю не модное столичное место. Это – вынужденный ассортимент поставок тех лет. С говяжьим языком, например, часто возникали проблемы. С морским гребешком – никогда! Самому смешно вспоминать. Плавники ската, кукумария, медведка – банальщина. Майонез, к слову, был только корейским. Другого просто не было. Соусы и приправы – китайские, корейские, японские... На этом, пожалуй, и заканчивается камчатское разнообразие. Оказалось, что больше ничего и нет. Есть, конечно, картофель, капуста, морковь. Нет проблем с растительным или сливочным маслом. Пекарни выпекают превосходный хлеб. Не припомню такого случая, чтобы наступили перебои с солью или сахаром. Такого добра достаточно. Но это и все, до чего доросли! За редким исключением. Да и то, больше экзотическим, чем самобытно-камчатским. Так было и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Мы не удивлялись крабу. Нам регулярно приносили зайчатину, медвежатину, оленину. Мы жарили только что пойманного палтуса. А помидор, нормальный, человеческий помидор было, практически, невозможно отыскать. Большинство местных жителей до недавнего времени не пробовали обычного оливкового масла.

Не имели ни малейшего представления о бальзамическом уксусе. Обычное мясо, скажем, свинина... незамороженная, похожая на нормальную – стоила таких денег, что позволить себе ее можно было только по большим праздникам. Поэтому все эти деликатесные продукты просто оставались деликатесными продуктами. Вареными или жареными. Простите, иногда их запекали. Но... в таких примитивных сочетаниях, что им оставалось пожелать максимально долго оставаться сырыми. Никакого развития. Вот она – совокупность уникальности, удаленности и централизованного снабжения. Завезли оливки – крабы будут с оливками. Нет оливок – покупайте без оливок. И в меню местных заведений, много лет подряд присутствовали унылые шницели, жаркое с картошкой, горшочки, колбасные нарезки, языки с горошком, селедки под шубой, сборные солянки и запеченные крабы. Крабов, находящихся под толщей овощей или картошки, не было видно. Оставалось уповать на честность авторов. Подобная картина – и в семейных ужинах, и на праздничных застольях. Дальше «богатого» совка – ни на шаг. Наводило на грустные мысли. В этой связи припоминаю один случай. Однажды, в нашей школе, в классе, эдак, в пятом, устроили нам конкурс рисунков. На тему: «Наш город через... сколько-то лет». Кажется, через тридцать. Необходимо было не только изобразить, но и описать нарисованное. Активисты принялись самоотверженно вырисовывать необозримое будущее нашего скромного городка. Каких только картин будущего не представили! Футуристические пейзажи космонавта Леонова выглядели скромными зарисовками с натуры. Какие-то дикийвинные средства передвижения, летательные аппараты, сады под стеклянными куполами, дома фантастической формы, озера на крышах и тому подобное... Создавалось впечатление, что, кроме как, на летающих тарелках, люди ни на чем передвигаться не смогут. Ни за пивом, ни мусор выбросить. Я же, на пару с одноклассником, купил большой ватман и не стал так изощряться. Нарисовал большой четырехэтажный дом. Тот, которыми был застроен весь наш городок. Впрочем, которыми застроен и сейчас. Только этот самый дом мы изобразили в момент непосредственного возведения. С башенным краном, сварщиками, каменщиками, тракторами и погрузчиками... Даже, по-моему, с кучами строительного мусора. Описание было предложено вполне реалистичное. «В этом доме будет жить крановщик Сергей, а еще сварщик Владимир с семьей и некоторые строители. Остальные квартиры распределят по принципу «каждому – по заслугам». Учителя, врачи, инженеры. А на первом этаже будет куча всевозможных секций и кружков.» Сказывалась нехватка качественного досуга. После такого «представления» на нас показывали пальцами. Сколько же сарказма было в словах конкурентов! Время распорядилось по-своему. Спустя некоторое время я вернулся на свою малую родину. За тридцать лет моего отсутствия мало, что изменилось. То есть изменилось, но не радикально. Дома – те же. Разве, что, некоторые фасады покрашены свежей краской, а на первых этажах теперь размещаются не кружки и секции, а многочисленные магазины. Да и с продуктами стало посложнее. То, что, буквально валялось на каждом прилавке и составляло предмет гордости перед злополучным «Материком», стало теперь таким же дефицитом. И цены – не подберешься. К чему это я? Именно тогда я решил, что завершился «Камчатский» этап формирования моего кулинарного вкуса. Больше искать на Камчатке было нечего. Подпитываться, вдохновляться и тому подобное...

Начались путешествия, ресторанная практика, иностранные шефы, мастер-классы, литература и интернет. Открывались новые продукты, экзотика, палочки. Я открыл для себя Китай, с его воком, имбирем и крахмалом. Открыл Японию, с ее эстетикой, красотой чистого вкуса и застенчивыми ароматами. Открыл Корею с огромными порциями и многочисленными закусками. Потом – обжигающий и чрезмерно пахнущий Таиланд. Долгое время ничего другого не воспринимал. Даже, про вилку забыл. Очередь дошла до арабских стран. Начались арабские зарисовки. огонь, мясо, кебабы, овощи, хумус, специи, от которых кружится голова. Наступила очередь Европы. Так, поездку за поездкой, я записывал, запоминал, откладывал, архивировал... Устрицы, сыры, вяленые томаты, оливковое масло, пицца и паста. Потом – пиво, гриль,

колбаски, капуста. Потом – вина. Потом, наверное, остановился, остепенился. Спустился на землю. Начал впитывать запахи национальных окраин, соседей по постсоветскому пространству. Средняя Азия, Кавказ... Вкусовые пристрастия окончательно перепутались, переплелись. Манты, плов, лагман, самса. С их курдючным салом, зирой, морем лука... Вкус, пронизывающий до дрожи, до беспамятства...

Такое «самообразование» на фоне постоянных кулинарных поисков не могло пройти бесследно. Вес неумолимо повышался. Наступил момент, и я обнаружил, что значительно потолстел. Я, признаться, никогда не был субтильным доходягой. Но в какой-то момент понял, что еще пару кило – и обратного пути уже не будет. Началась борьба. Постепенно она приобрела перманентный характер. Я использовал множество методов. Каждый месяц – новый. От голодовки до отказа от некоторых продуктов. Годичный отказ от употребления мяса ни к чему хорошему не привел. Бездарно потерянное время. Всевозможные диеты – самообман. Часами выдумывал, придумывал, изобретал, творил меню для собственных диет. То есть, для голода! С вариациями. Писал и готовил. Покупал продукты, которые должны были меня спасти. Готовил и ел. Снова писал, творил, изобретал, готовил и ел. Абсурд. Замкнутый круг. Спустя много лет пришел к кое-каким выводам и смирился. Вернее, подружился с собственным весом. И вес, в конце концов сдался. Теперь мы – в гармонии. Со вкусом, пристрастиями и собственным весом. Такая, странная кулинарная гармония...

Хватит о кулинарии. Чем больше в ней копаешься, тем больше понимаешь, что она настолько многогранна, что писать о ней бесполезно. Пустая трата времени. Невозможно подытожить, невозможно делать окончательные выводы, невозможно подвести черту. Когда-нибудь ты любишь сыр рокфор, потом – устрицы, потом – суши. Я, например, сейчас, люблю супы. Любые. Неважно. Главное, чтобы это были супы. Борщ, солянка, лапша, харчо, гороховый, рассольник, уха, лапша с грибами, минестроне, чаудер... Сколько продлится эта любовь, эта страсть, этот роман – не знаю. Вернее, знаю. Он не закончится. Он перейдет в другую форму. Перекинется на другие продукты. И так будет всегда.

Наверное, я незаслуженно обидел Камчатку, то есть, ее кулинарию. Назвал ее примитивной. Не меняющейся десятилетиями. Приношу свои извинения и каюсь. На Камчатке, главным образом, формировались мои вкусовые пристрастия. Без камчатских гастрономических открытий я не мыслю своей кулинарной жизни, а, значит, и остальной жизни. Поскольку, как я ранее признался: «Еда – единственная моя любовь» А я о ней так... «Никакого развития», «Ловить нечего», «Примитивные деликатесы», «Совковые штампы» и так далее... На Камчатке появились интересные рестораны. С интересными предложениями. Молодые и амбициозные камчатские повара синтезируют новые сочетания. Используют опыт поколений, интересуются новыми веяниями. Используют, при этом, уникальные местные продукты. Хочу верить. Первый раз мне хочется быть неправым. Первый раз хочется глубоко ошибаться... Я же без нее, без Камчатки, – никуда. И полечу, и буду наслаждаться. И рыбой, и папоротником, и крабами, и гребешком, и жимолостью, и корюшкой... И, чуть не забыл, пивом. Как я мог о нем забыть? О Камчатском-то пиве...

ГЛАВА II

ТАЛЛИНН. ПЕРВАЯ ВЕХА.

Известно, что самые красочные воспоминания – из детства. Самые яркие эмоции, все самое ценное, самое дорогое, самое неповторимое, все – из детства. Из детства – любимые краски, мелодии, голоса, вкусы, запахи. Из детства – это томящее состояние ожидания... Я помню его... Его ни с чем не перепутаешь. Ожидание, когда ты стоишь в очереди на посадку. Через несколько минут самолет побежит по взлетной полосе, и ты полетишь в тепло, «на материк». Ожидание, когда в утреннем тумане перед воротами прогреваются папины «жигули»,

а это значит, что ты поедешь куда-то далеко. Когда в праздничный день из духовки достают пахнущую до одурения румяную курицу. Когда ты бредишь с родителями по жаркому южному городу, наступаешь на упавшие абрикосы, – и вдруг, неожиданно появляется море... Когда, проехав сотни километров по незнакомой дороге, ты уже так проголодался, что начинаешь изучать дорожные знаки... и, вот, наконец, показываются, вырастают заветные «ложки-вилки». Ожидание, когда папа вернулся из командировки, начинает распаковывать вещи, а они пахнут, пахнут чем-то вкусным...

Поймал себя на мысли, что большинство моих детских воспоминаний, так или иначе, связано с едой. Нет, я не был голодающим беспризорником. Меня кормили, как говорится, «на убой». Кормили обильно и правильно. Но кому интересны в юном возрасте мамины борщи и котлеты, бабушкины пирожки и плюшки? Их начинаешь ценить лет в тридцать, тридцать пять. А в детстве у каждого нормального человека – неутолимая жажда познания. Как у шкодливого щенка. Казалось, вот – она, миска, полная правильной и полезной еды! Калории, витамины, белки, жиры... Ешь – не хочу... А чего в такой момент больше всего хочется? А хочется – заползти в какую-нибудь недоступную щель, под забор, в подвал, на чердак, подбежать к мусорному баку... Высмотреть, вынюхать, учуять, урвать неизвестную гадость. Косточку, фантик, шкурку... Сцапать, сожрать, проглотить... Предвидя неминуемое «фу!», «нельзя!» Предчувствуя оплеуху или резкое одергивание поводка... Это, наверное, наивысшая радость, это необъяснимое восторженное чувство утоленной жажды познания. Помню, что я постоянно хотел есть. Чувство голода было нескончаемым, перманентным. Я не находил в этом никакого криминала. Обычная физиологическая потребность, просто немного сильнее чем у других. «Ешь, пока рот – свеж! Завянет – ни на что не заглянет», – постоянно говорила моя бабушка. И я следовал ее совету. То есть, ел. Но есть нормальную, правильную еду было неинтересно. Скучно и тоскливо. Другое дело – на стороне. Где угодно: в гостях, в походе, на пляже, в машине, на вокзале, в поезде, в школьной столовой... А если жизнь преподносила приятные сюрпризы в виде загородной шашлычной, придорожного кафе, или, чего доброго – приличного РЕСТОРАНА. Наступал блаженный миг осознания того, ради чего стоит жить на земле.

К чему это я? То есть, ради чего вся эта философия? Возьмем современного ребенка. Поймет ли он всю эту белиберду: «Жажда познания... состояние ожидания...» У современных детей – совершенно иная жажда познания. У них свой путь, и винить их не за что. А у меня – свой. И у этого пути были свои вехи. Как у самого обычного пути. Эти вехи возникали по-разному. Одни – спонтанно. Другие логично проистекали из предшествующих событий. Я их фиксировал. Я давал названия почти каждой из них. Их невозможно ранжировать по значимости. Каждая возникала в нужное время. Я расскажу об одной из самых важных. Важных – для меня. Кому-то это покажется неинтересным. Кто-нибудь скажет: «Заморочился товарищ. Жил бы себе спокойно и не парился...». А кто-то задумается: «И у меня подобное случилось! Вот бы тоже рассказать...»

Итак, «веха». Событие в твоей жизни, когда начинаешь задумываться о смыслах. Событие, которое вспоминаешь через много лет, как самое значимое. Которое причисляешь к этим самым вехам. Это, скорее, не событие, как таковое. Это цепь событий, объединенных в одну большую Веху. Веху из осознанного детства. Осознанного – это когда осознаешь, что, детство-то – на исходе, что за этим этапом в жизни наступает какой-то новый неизвестный этап. Еще не взрослый, даже не юный, но уже более самостоятельный. Этап, в котором ты сам, без посторонней помощи определил себе первую в жизни «веху». Ты ее определил, обозначил. Ты дал ей название. И с гордостью зафиксировал, что в таком-то году, в таком-то месяце, при таких-то обстоятельствах... И так далее. В общем, я определил для себя первую в жизни значимую веху. Такой вехой, на двенадцатом году жизни, стало посещение мной одного замечательного города. Волшебного, сказочного города. И не потому, что я встретил в этом городе

волшебников или сказочников. Этот город стал волшебным, потому что он и есть – самая первая веха. И, можно сказать, главная на тот момент.

Итак, речь пойдет о Таллине. О «моем» Таллине. Таллину тоже предшествовало ожидание. Его ни с чем не перепутать. Таллин для меня тоже был, в своем роде, первой утоленной жаждой познания. Таллин разделил мою короткую жизнь – на «до» и «после». Расскажу о «своем» Таллине глазами ребенка. Ребенка – того, нашего поколения. Советского хрестоматийного школьника, стремящегося, хоть на минуточку, хоть, сквозь щелочку, заглянуть «туда». О чем читал, о чем слышал от других, и о чем грезил в самых дерзких мечтах. Таллин был для меня своеобразным мостиком, шлюзом, карантинной зоной. Перед тем, как я, спустя много лет, наконец попал «ТУДА»...

...Долгожданный отпуск родителей. Большой. За два года. Для жителей Дальнего Востока, плюс отгулы и несколько дежурств с Добровольной Народной Нружиной – это больше, чем целое лето. Отпуска родителей я ждал больше, чем собственных каникул. Потому отпуск родителей – это, всегда, очередное сладостное томление, за которым неминуемо следуют: аэропорт, самолет, девять часов в небе, и... полный комплект! Зеленые деревья, теплые реки, жаркое солнце, помидоры, черный хлеб, бабушкины пироги, поезд, пляж, море и персики.

Я точно знал, что у кого-то из моих сверстников были такие родители, которые посвящали все девяносто дней отпуска – отдыху. В моем случае, из трех летних месяцев отдыха уделялось от силы две недели. Плюс календарные воскресенья, и то – не всегда. Остальное – огород, парники, или, как их называла бабушка – «шаланды» и прочие хозяйские заботы. От постройки нового свинарника – до ремонта гаражных ворот.

Итак, две заветных недели. Одна неделя – естественно, море. И только ради меня. Морская вода, жара и витамин «D». А вместе с ним и остальные витамины. Всё, как у большинства советских детей. Это было совершенно неинтересно. Однотипные рассказы о ночных купаниях, демонстрации «разницы» от загара, битвы рекордов по заплываниям за буйки и прочая белиберда... Другая неделя имела практический смысл. И это – обязательная процедура удовлетворения страсти советского «вещизма», неминуемо возникавшего при тотальном дефиците. Каждая советская семья решала этот вопрос по-своему. Партийных руководителей и крупных начальников я не беру. У них были свои распределители. Я – о простых советских гражданах. У кого-то – родственники жили в национальных окраинах, где снабжение было налажено получше. А кто-то проводил часы, дни и недели в бесконечных очередях, чувствуя, что и где появится. И тем самым находился «на плаву», то есть, «не хуже других». Для моих родителей этот вопрос решался, либо – взятием Москвы, либо – набегами в подмосковные городишки, полузакрытые научные центры, в которых постоянно что-нибудь продавалось. Но был еще один способ. Это – поездки в Таллинн. Культурно-познавательные плюс тотально-покупательные вояжи. А тотально-покупать – это значит, покупать – все! От костюмов, сапог, курток и домашних тапочек – до кухонных принадлежностей, баночного пива, сигарет и специй. За этим мои родители и стремились в Эстонию. В те годы Эстония была почти заграницей. Точнее, была, фактически, заграницей. Эстонцы жили по другим по другим правилам. Разговаривали на непонятном, неславянском языке. Эстонцы считали себя наследниками тевтонских рыцарей, когда-то были частью Ливонского ордена. Эстонцы были под датской и шведской короной. При этом, тяготели к Финляндии. О русском политическом влиянии эстонцы предпочитали умалчивать. Единственное, что отличало Эстонию от цивилизованной страны – это наше, то есть, русское присутствие. И это их безмерно раздражало.

Я ждал этих поездок больше, чем поездок на пресловутый «юг». Зачем мне абрикосы, если я могу погулять по непохожим улицам, почитать иностранные вывески, поглазеть на необычные витрины, то есть, пожить по другим правилам. Это стоило тысячи других приключений.

Назначалась примерная дата поездки в Эстонию. Обычно – конец июня. Надо было застать две обязательные вещи: белые ночи и День Ивана Купала. Для эстонцев – особый праздник. Народный, массовый, красочный. Затем тщательно готовился наш «жигуленок». Мытье и полировка. Накачка, прокачка, протяжка... Запасное колесо, канистра, ремень, свечи, даже запасная катушка зажигания... «Вроде на месте». А еще – держать наготове: домкрат, набор ключей и отверток, машинное масло, тормозную жидкость, антифриз, кучу всякой ветоши, стакан, нож. И даже ведро и старую телогрейку (это – на случай внезапного ремонта). Все! Вроде подготовились...

Далее – «мамин выход». Созвониться, списаться, напомнить о себе, напроситься в гости, договориться, и тому подобное. У мамы в те годы, в Таллине, жила старинная подруга. Вышла замуж за «перспективного» журналиста и укатила с ним в Эстонию. Муж скоропостижно скончался, и она осталась одна, с двумя пацанами, в чужом городе. Но не в каком-нибудь, а... в Таллине. Это, в то время, было некоторым преимуществом, по сравнению с остальным совком...

Договориться с подругой – было условным понятием. Она очень тосковала по своей «далекой» молодости, и каждая встреча была долгожданной. Главное – убедиться, что она, в эти дни никуда не отлучится. И вот, наконец, когда все детали были улажены: время – согласовано, машина – подготовлена, деньги – отложены, а пленка – вставлена в фотоаппарат. Мы выезжали.

Освежим: отпуск родителей, летние каникулы, мне – одиннадцать лет, едем в Таллинн. «Поехали!» До рассвета меня растормошили, подняли, взбудрили. Сквозь полудрёму – оделся, кое-как – зубы, волосы. Сойдет. «Во сколько я заснул? Я же совсем не хотел спать. Как можно вообще спать, перед ЭТИМ. Родители, кажется, вообще не ложились. Что-то обсуждали, спорили, потом – таскали сумки, пакеты, чемодан...»

Машина прогрета, стоит за воротами. Погрузился. И не куда-нибудь, а на переднее сиденье. Уже можно. Дедушка проводил, закрыл ворота. Впереди – два дня пути. С одной ночевкой, под Новгородом, как планировали. В трактире под названием «Любава». (Он до сих пор работает. Но, конечно, уже совсем не такой) Сегодня – до него еще целый день езды, что в одиннадцать лет – бесконечность.

Московская Кольцевая Автомобильная дорога. Это пока не грозный МКАД, многополосный, с эстакадами и развязками, с миллиардами машин в обе стороны. Обыкновенная, заурядная дорога вокруг Москвы. Первая остановка. Где-то в районе Теплого стана. Заехали немного вглубь города. Ни пробок, ни заторов. Открылись Универсамы. А это – душистая «Любительская» колбаса, свежий московский «нарезной» батон и плавленый сыр «Янтарь». Можно, наконец, позавтракать. Ради этого и ехал. А ради чего еще двести километров пилить? Трапеза дополняется яйцами вкрутую, южными помидорами и солью в спичечной коробке. «Разворачивайтесь. Мне уже хватит». Или... можно спокойно ехать дальше. Ну, как спокойно? Часа три-четыре спокойно, а потом опять беспокойно.

Обогнули Москву. Я пока сыт, а значит доволен. Мама – штурман: «Это – наш цветочек, это – не наш цветочек... На следующем цветочке – направо и потом без остановок...» И так далее... Папа часто курит. Я зажигаю спички и гашу окурки, чтобы не папа отвлекался от дороги. Это моя посильная помощь. Иногда – пою, постукивая по передней панели.

Неожиданная остановка. Где-то, под Солнечногорском. «Похоже, это надолго». Милицейская машина с мигалкой сгоняет весь поток с трассы. Мегафон раздраженно орет: «На обочину! На обочину!» Машины испуганно тормозят, скапливаются в сплошную автомобильную очередь. Жигули, Москвичи, Волги, Автобусы, Грузовики... Некоторые сворачивают в ближайšie съезды. Ждут. Люди выходят из машин, выстраиваются вдоль дороги, будто пришли встречать Гагарина. Много милицейских машин. Люди в форме и в строгих костюмах, с рациями. Примерно через полчаса, на бешеной скорости промчался кортеж из черных правительственных ЗИЛов.

- Брежнева везут!
- Да тут дача у него, недалеко...
- Отдыхать повезли... Лёню...
- А мы тут дурью маемся! Тьфу...

Машины бешено мчатся, меняясь местами, как болиды на соревнованиях. Мама сказала, что видела ЕГО. «Честно-честно!» ОН сидел с каменным лицом и держался за поручень. «Что она могла разглядеть на такой скорости?» Потом все рассосалось, и машины двинулись по своим делам. Мы – вместе с ними. Заехали в Клин. Нашли, по указателям, дом-музей П.И. Чайковского. «Миш, надо заехать!» Я согласился. Дождались экскурсии. Послушали гида. Интересно. Или неинтересно, не помню. Фотографии, открытки. Отец не пошел. Он дремал. Ему целый день за рулем.

Очередная остановка. Остался позади Калинин, то есть, Тверь. Долгожданный обед! Большое придорожное кафе. Называлось, кажется, «Сосенки». Я с мольбой посмотрел на маму. Зайдем? Оказалось, нет, не зайдем. «У нас еды – полно! Кому это все наготовили? До завтра – пропадет... Вот интересно-то... По столовкам шляться! Завернем в лесок. Нормально поедим...» И тому подобное. Зашли в лесок. Прямо напротив кафе. Сосны. Чисто. Сейчас об этом очень странно вспоминать. Расстелили одеяло. По-походному. Полноценный обед, только без супа. Тяжелая дорожная артиллерия. Курица из духовки, в фольге. Отсочала за полдня, еще полностью не остыла. Вкусная-а! Шиповник из термоса. Зелень, помидоры, молодая картошка, малосольные огурцы... Блеск! Еле встаю. Можно и дальше. Доволен на несколько часов.

Красивая дорога. Любая дорога для меня – красивая. До сих пор. Красивая сама по себе. Заметно, как различается архитектура в разных областях страны. Чем севернее, тем – витиеватее. Дома в резьбе, колодцы, беседки, баньки над водоемами. Названия, знакомые по книге Радищева. Проходили в школе. «Раёк, Торжок, Вышний Волочек, Крестцы...»

- Далеко до Любавы?
- Часа четыре... Может, пять.
- Ой, долго...

Здесь мною овладело странное, но очень неприятное чувство. Наверное, самое страшное чувство на тот момент. Я совершенно не хотел есть! Сейчас это, как будто вдруг осознать, что ты ослеп... Опускался вечер, до остановки становилось все ближе. Четыре часа, три, два... Уже проехали Валдай. В очередной раз заправились. Въехали в новгородскую область. Голод все не приходил. Я испугался. Все ожидания – напрасны? Прodelать семьсот километров – зазря? Вся поездка – зазря? Как же так? К чему все эти восторженные рассказы и томящие воспоминания? Не хочу ни в какой Таллинн! До «Любавы» оставалось каких-то полтора часа, а я, все еще, был сыт. Беда! Пытался вызвать чувство голода. Любой ценой. Внушением, самогипнозом. Вспоминал самые вкусные блюда, которые на тот момент попробовал. Шашлыки на море, речную уху из гольца, домашние пельмени с уксусом, селедку из бочки, бабушкину горячую плюшку, сковородку жареных потрохов с луком, свежую клубнику с сахаром... все, что, хоть как-то, могло пробудить во мне яркие гастрономические воспоминания. Не то. Бесполезно. Голод все не приходил... Мне становилось все грустнее. Через некоторое время мы заметили скопление грузовиков на обочине. Родник. Водилы таскают канистры, бутылки, бутылки, фляжки. Было видно, какое все запотевшее. Мы тоже решили, что пора размяться. Попить и умыться тоже не помешало бы... Ледяная вода. Показалось, очень вкусная. Один глоток, другой... Ой! Ну ка... давай, давай... еще попробую... Кажется, началось... О, чудо! Откуда-то, из глубины показалось, выплыло, выползло... Забытое на несколько часов... заветное чувство. Вот оно! Теперь я спокойно ехал до запланированной остановки, считал часы и минуты, и на душе моей было легко. Я снова хотел есть, и все – не напрасно, все – не зря.

Очередной знак. «Ложки-Вилки» плюс «Койка». Поравнялись – разглядел: 25 км. «Это ОНО.» Поселок Зайцево. На окраине – поворот налево. Заветная «Любава». День завершается

по программе «максимум». Сначала – договориться о ночлеге. Непременное «МЕСТ НЕТ». Папа справился с задачей при помощи куска копченой рыбы и маленькой баночки икры. Готовили заранее. «Пригодится!» И пригодилось. Трехместный номер. Удобства – на этаже, зато внутри – железный умывальник. Свежая побелка, железные кровати, дорожка, тумбочка и... все. Можно и в ресторан. Ну пойдем же! Огромная бревенчатая изба. Вошли. Народу – полно. Стилизованная печь, Массивные столы, лавки, грубоватые стулья. Рушники и льняные занавески. Сейчас это выглядит убого. А в тот момент – «Царская Охота», не меньше. На столах лежали папки с меню, яркие, с русским орнаментом. Внутри – отпечатанная на машинке страничка. «Щи по-старорусски в горшочке», ниже – «...то же полупорцией», «щи зеленые, щавельные», ниже – «то же полупорцией», «колбаски по-домашнему на сковородке», «бочковые соленья», «моченая брусника», «квас с медом», «квас с хреном», «зеленый лук в сметане», чай, мед, варенье... Прошло столько лет, а помню до деталей. Этот листок занял какую-то почетную ячейку памяти. Изучили. Подошла официантка в сарафане. Сделали заказ. Мама спросила меня: «Что будешь?» Я подумал: «Первый раз меня спросили, что я буду.» Выбрал щи в горшочке, эти самые колбаски на сковородке, зеленый лук в сметане и квас с медом. Родители – то же самое. Только для папы квас – с хреном. Папа позволил себе сто пятьдесят.

– Для сна...

– А я чего? Я – ничего... Смотри... Тебе ехать.

Еле дождался, пока начали приносить. Несколько минут показались вечностью. Сначала принесли квас. Казалось бы, ничего особенного. Мед и квас, то есть, квас и мед. Но как это было волшебю. Вот и долгожданная еда! Не буду описывать свои ощущения. Это – не передать. Детские воспоминания – сильны, особенно, если, действительно, понравилось. С тех пор я полюбил первые блюда. Полюбил на всю жизнь. Всякий раз, когда я пробую первые блюда: супы, борщи, солянки, рассольники, – подсознательно сравниваю их с теми щами, которые «в горшочке», из Любавы... И сравнение – не в пользу первых. Мы планомерно уничтожали тарелку за тарелкой. Правильнее было бы сказать: горшок за горшком, сковородку за сковородкой. Я особенно старался. Мне говорили: «Миш, сытость – придет!» Я ненадолго задумывался, глотал и уверенно отвечал: «Нет не придет». Папа махнул свои сто пятьдесят, закурил. Повеселел и расслабился. Громко играла музыка. Заходили и выходили люди. Шумели пьяные иностранцы. Официантка сказала, что это – финны, дальнобойщики. У них тогда было что-то, вроде, сухого закона. Зато в Союзе – отрывались. На стоянке стояло несколько фур с иностранными номерами. Добрели до нашего «отеля», взяли ключ с огромным брелоком. Поднялись в номер. Второй этаж. А этажей – всего два. В шесть – подъем. А пока – глубокий сон под пение горячих финских парней.

Утро, попытался взбодриться. Родители уже полностью готовы. Наспех почистил зубы, и снова – в путь. Через некоторое время мы, по окраинам, объехали Ленинград. В этот раз не стали заезжать в Пушкин. Поели, как-то, на бегу. Все тот-же батон, та же колбаса. Плюс остатки вчерашней роскоши. Слава Богу, не испортилось. Отец ел прямо за рулем. Время – дорого. Впереди – Таллин. Проехали город со странным названием Кингисепп. Я читал, что это был какой-то революционер, или коммунистический деятель, что, наверное, одно и то же. Потом еще немного проехали. Дорога – ужас. Папа старательно лавирует между ухабами. Ивангород. Серый, грязный, неприветливый. Подъехали к мосту через Нарву. Возвышается крепость. На ее стенах когда-то снимали Гамлета. Того самого, со Смоктуновским. На противоположном берегу, на большом крутом откосе, цветами выложено: «СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ – ПРИВЕТ-СВУЕТ ВАС!». Через два года, на том же месте было пусто. Просто – трава. Эстония больше никого не приветствовала. А еще через несколько лет поставили таможенный пост.

Въехали в «Советскую Эстонию». Нарва. У меня – душевный подъем... Вот она – заграница! Остановились у ближайшего универсама, то есть, торгового центра, или как он там назывался... С этого момента начнется другое повествование. Другие краски, другое настро-

ение. Впечатление ребенка, прикоснувшегося к неведомому и заглянувшего сквозь щель! Я, конечно, до этого момента, бывал с родителями в Эстонии. Но, что это были за поездки. На заднем сидении, полулежа-полусидя... Поел, и слава Богу. Заснул – еще лучше... А теперь – мне 11 лет! Я – все понимаю, все подмечаю, все запоминаю. Я хотел прикоснуться, и я прикоснулся. Почти за границей. Почти – «ТАМ». Ради этого и ехал.

Парковка. На ней, помимо жигулей, было много иностранных машин. «Началось!» – думаю. Даже пульс участился. Вокруг – чистота. Вошли в магазин. Удивление, восторг. У родителей – досада... После магазинов Средней Полосы, я немного растерялся. Первое, что вызвало подозрение – тишина, все разговаривают тихо, почти шепотом. Родители заматались. «Надо что-то купить. ...Зачем? Кому – нам? А где мы это будем есть? До Таллина не дотерпим? Там-то – получше... Так, вот – сыр, вот еще сыр... берем? А вот еще сыр. Какой берем? Ух ты, копченый... плавленый... Сыру-то сколько. А вот – колбаса... Ой, глянь, – копченая, полукопченая, вареная, колясочная... А вот – еще ... молоко, в бутылках, в пакетах, жестких, мягких, сметана... еще, вот, какая-то «пахта». А что такое пахта? У кого спросить... да, как-то, неудобно... А это что? Ой, пиво... еще пиво. В бутылках, в банках!» Вернулись за корзиной. Все расфасовано, нарезано, упаковано, аккуратно разложено, расставлено... Банки, бутылки, пакеты, пачки, коробки... Овощи – помидоры, лежат красиво, как на выставке. Ревень. Ни разу не пробовал. Вода. Какой только нет! Что написано? – КЕЛ-ЛУ-КЕ. Колокольчик. А вот, какая-то «Белоснежка». Бутылки, бутылки, бутылочки, бутылюшечки. Литр, пол-литра, двести пятьдесят, триста тридцать... «А вот – еще какая-то. Посмотри. Да тише! Не кричи. А что, Буратино – нет? И Крем-сода нет? Во дают. Столько воды, а Крем-сода нет.» Я поднял голову... Ба! Указатели висят. Большие, яркие. Надписи на двух языках... Бакалея – туда, мясо – сюда. Что хочешь, во всех направлениях. Во дают! Надо же – носки. Ой, смотри – шлепанцы. У нас – сроду не найдешь! Может, возьмем? – Да зачем? Давай до Таллина доедем. В Таллине то же самое, там все и возьмем...

В итоге, к кассе подошли с потяжелевшей корзиной. Порезанный хлеб двух видов, порезанная и упакованная колбаса, ветчина, колбасный сыр (попробовать), две маленьких бутылки «Колокольчика», и, зачем-то, чеснокодавилка. Диковинное приспособление. Потом, в Таллине, в подобном универсаме, в компанию к чеснокодавилке, мы купили яйцерезку, не менее диковинную штуку. На сдачу нам вежливо предложили жвачку. «Давай, давай! Эстонская!» Отец увидел сигареты, и попросил пачку «Leek», красную, со звездочками. Перекусили в машине, перевели дух. Я ощущал неодобрительные взгляды проходящих мимо эстонцев. «Понятно. Тут так не принято».

Тронулись в путь. Уже по Эстонии. Дорога – идеальная. Отец не перестает восхищаться. Еще он отметил, что на крутых поворотах она устроена необычно. Уклоны – как на велотреке, чтобы не выносило. «У нас так не делают». Они и раньше все это подмечали. Но теперь – объясняли мне. Как повзрослевшему. Справа, временами, виднелось море. Финский залив. Я увидел, как вдалеке, из одинокой тучки, падали косые серые лучи. Это дождик. Проехали Силламяэ, поворот на Кохтла-Ярве, виднеются большие трубы. Там добывают сланцы. Говорили, что больше в Эстонии ничего нет. Одни сланцы. Я, например, до сих пор, так и не понял, зачем нужны эти сланцы. Поселки, городишки, хутора. Такие аккуратные, игрушечные. На обочине то и дело стоят бидоны с молоком. Население добровольно сдает республике излишки. Молоко превращается в ту самую пахту, и продается в больших магазинах.

Дело – к закату, но не темнеет. Это Белые Ночи. Питер не успел их полностью приватизировать. Дорога стала еще живописнее. Указатели на эстонском языке. Названия навсегда отпечатались в памяти. Поворот на Раквере, развилка. Потом – Хальяла, Куусалу... Хочется петь. Я пою! Я – почти за границей! Уже все по-другому. Уже все, как «там». Подъезжаем все ближе к Таллину. Дорога стала широкой, многорядной, с разделительной полосой. Надо же – ограничение 110 км/ч. Европа! Почти автобан. Поток уплотнился, скорость резко упала.

Похоже, ремонт. Левый ряд – под «кирпичом», по правому – ограничение 40 км/ч. Машины выстроились в линейку, потихоньку двигаются. Левый ряд совершенно свободен, ни ям, ни ухабов, ни гудрона, ни вылетающей щебенки... Но что делать? Нельзя, так нельзя. Ехали так минут десять-пятнадцать. Мы с мамой подзуживаем отца.

- Чего мы плетемся? Свободно же...
- Видишь – все едут спокойно, значит надо.
- Да брось ты... Так до ночи не приедем. Скоро, вон, темнеть начнет.
- Знак же был! И все, смотри, как едут. И не темнеет сейчас.

И так далее... Отец не выдержал и выругался. Была – не была! Резко свернул влево, выехал в левый ряд, и прибавил. Раздался громкий сигнал, потом – другой, третий. Монотонный вой. Мы повернулись. Водитель, который был в тот момент напротив нас, опустил стекло, и, со спокойным лицом, поднял левую руку с отодвинутым назад большим пальцем. Еще, кажется, покрутил у виска. В его взгляде мы отчетливо прочитали: «Парень, не будь самым умным. Видел знак? Вернись в хвост. Вооон – туда.» Папа снизил скорость, показал поворот, и поток моментально предоставил нам место. «Извините, больше не буду. Во дают! Не забалуешь. А мы к ним – со своими законами... Запад!»

Доехали до Таллина. Узнали на посту, как проехать к нужному району. Это оказалось предельно просто. Практически, все время – по прямой, то есть, по главной. Ленинградское шоссе, Таммсааре, поворот на Мустамяэ. Дальше – до круга. Вот и приехали. Микрорайон Ыйсмяэ. Как нам потом сказали: «Ыйс – комар, мяэ – место. Комариное место». Окраина. Коробки, коробки. И чистота. Приехали. Уютный двор. Похож на глубокий колодец. Все кажется каким-то светлым. Школа. Универсам. Сосны вокруг. Почему-то, много чаек. Ясно, почему. Таллин – портовый город.

Встретились. Обнялись. Два года не виделись. Дети – в лагере. Скоро возвращаются. Потом выпили. Разговорились. Пошли воспоминания. А я – счастливый! Мне даже есть не особо хотелось. Я был сыт новыми ощущениями. Потом ушел в комнату и тихонько заснул, не обращая внимания на свет. Встали рано. Хозяйке – на работу. У нас – своя работа. Надо сходить в магазин. Закупиться продуктами. Как-никак, неделю будем жить. Я попросился с родителями. Местный универсам. Микрорайонный торговый центр. Очередной шок. Люди, чтобы войти в торговый зал, выстраиваются в змейку, друг за другом, как на причастие. Выходящий из торгового зала, пройдя через кассу – отдает корзинку первому из этой змейки. То есть, ему сейчас, она нужнее всего. Следующий – передает второму, и так далее... Пока мы этого не знали, настойчиво попытались взять корзинку, игнорируя эту очередь. Не то, чтобы, игнорируя, просто не замечая. Нам молча, но убедительно показали, кому предназначается очередная корзинка. Конфуз. Ладно, мы – не местные. А местные, наверное, сразу нас вычислили. Дождались, прошли в зал уже с корзинкой. Народу – полно, но очень тихо, все говорят почти шепотом, как в библиотеке, аж не по себе... Магазин посерьезнее, чем в Нарве. Надо думать – столица. Набрали по полной программе: мяса, рыбы, овощей, колбасы, сыра, каких-то банок, бутылок... Кое-что сразу отправилось в багажник Жигулей. «Чтобы не забыть. Долгий путь предстоит». Вышли на свободу. На углу магазина заработала пивная палатка. Подтянулись алкоголики. Они есть везде. Даже в законопослушной Эстонии. Забавно, но эти самые ханурики тоже послушно выстроились в тоненькую змейку, и стали дисциплинированно ждать, каждый – своей очереди. Забавные. Такие же, как наши, в таких же майках, трико и мятых пиджаках, только разговаривают – по-эстонски. С бидонами, банками, бутылками, и просто без ничего. Пришли гасить свой ежедневный пожар. Посмотрев на пивную будку, отец решил ехать в город своим ходом. Я тогда не знал, каково пиво на вкус. Какое, вообще, бывает пиво, и чем хорошее отличается от плохого. Мы встали в очередь. Посуда заполнялась одна за другой, отходили довольные мужики, предвкушая блаженство. Я постоянно смотрел на струю. Она была какая-то особенная. Никогда больше не видел подобного. Пиво вытекало медленно, как

масло. И по струе, спиралью, сбегала белая пена. Подошла наша очередь. Отец попробовал и... подтвердил мои предположения. Пиво было великолепным. Вернулись в квартиру и переоделись. Предстоял первый выход в город.

Подошли к стоянке такси. Это светящийся столбик с надписью TAKSO. Такие стоянки были буквально в каждом дворе. Подходишь, ждешь несколько минут. Подъезжает машина. Садись, и тихим голосом называешь адрес. Таксист включает счетчик и везет. Куда угодно, хоть – за угол. Удобно. Мы сказали «Виру» (то есть, центр). Таксист молча кивнул, включил счетчик, и мы поехали. Я глазел по сторонам. Мне было интересно – все: вывески, указатели, витрины, перекрестки. И конечно, люди – эстонцы и эстонки. Непонятные. В общем, другие. Доехали до центра, расплатились. Было недорого. Так сказала мама. Пошли гулять. Надо было снова показать мне Старый город. С последнего раза ничего не помнил, совсем маленьким был. Вошли в ворота. Все – необычное. Со стороны, мы были похожи, наверное, на героев фильма «Печки-лавочки». Командир – отец, позади – упитанная мама, я кручусь поблизости. Я старался немного удаляться от родителей, чтобы казаться взрослым и самостоятельным. Маму это раздражало. То есть, «убегай, но постоянно будь в поле зрения». Я читал названия улиц. Помню, что особый восторг вызывали вывески, стилизованные под средневековые. Над входом в парикмахерскую висели большие ножницы, над булочной – крендель. И так далее. Дошли до Ратушной площади. К колоннам прикованы большие железные крюки. Отец сказал, что к ним, за ребра подвешивали преступников. Я представил, стало жутковато. Заходили в магазины. Что-то покупали, заполняли большую хозяйственную сумку. Что покупали – не помню. Что-то по хозяйству. Пригодится! Папа зачем-то настоял на покупке спичек. Огромный коробок. Внутри, примерно, тысяча штук обыкновенных спичек, терка с каждой стороны, и огромная надпись наискосок «ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ». Зачем? У нас в квартире была электроплита. И прикуривать от них неудобно. «Пригодится! В Туле оставлю. Там же – газ...»

Мне все казалось необычным, почти диковинным. Очень впечатлил музыкальный магазин. Сейчас это кажется вполне обычным. А тогда... Я мог взять пластинку, подойти к одному вмонтированных проигрывателей, задвинуть ее в специальную щель, и... самостоятельно послушать в наушниках. Только я. Понравилось – бери, не понравилось – положи не место.

Долго бродили по улочкам. Я постоянно вертел головой. Удивлялся и восторгался. Родители были более сдержаны. Я начал задумываться о том, что хочу такой жизни. Не хочу жить так, как я живу, как живут мама и папа, все мои родственники и друзья. Мы живем, как-то, неправильно. Надо – по-другому. Как здесь. Я тогда не знал, как живут в других странах, но здесь, именно здесь, мне казалось – идеальная модель. На улицах – чисто, в магазинах – тихо. Я могу купить все, что захочу. Были бы деньги. Люди какие-то вежливые. Вежливо здороваются, вежливо отвечают. «Тере, айта...» Одеты аккуратно. Даже алкоголики чище и вежливее наших...

День подходил к обеду. Меня нужно покормить. Это – главное. За этим, можно сказать, и поехали. По крайней мере, сегодня. И вот, идем мы по старому городу. Хрестоматийная советская семья. Достаток чуть выше среднего. Одеты, вроде, прилично. На мне – трикотажный костюм. Кажется, чехословацкого производства. Обтягивает весьма упитанную фигуру. На маме – в летнем платье, какие-то босоножки. Папа – в пиджаке и брюках, только галстука не хватает. По рукам кочует хозяйственная сумка. В общем – колхоз. Начали искать какое-то пристанище. Ресторан, кафе, что попадется. И попалося.

Улица Харью, дом два. Крепостная стена. Висит большая яркая вывеска. «GLORIA». Ресторан вмонтирован в старинное здание. С улицы видно только арку. Стоят люди. Мы присоединились. Нас, с улыбками, оглядели. Подошла наша очередь. Высокий молодой парень, в костюме и при бабочке, видимо, метрдотель, проводил нас в зал, на второй этаж. Подвел к столу. Развернул меню. Разложил перед каждым. Даже передо мной. Подбежал другой молодой

человек. Я тогда не знал, что такое «метрдетель», но то, что кто-то специально проводил в зал – уже впечатляло. Меню – тоже впечатляло. Пока – все впечатляло. И настораживало. Огляделись. Первая мысль: «Куда мы попали?» Первое желание – бежать.

– Может, пойдем отсюда?

– Да сиди уже. Пришли...

Зал невероятных размеров. Балконы. Впечатляющая мебель, массивные кресла, белоснежные скатерти, салфетки, натертые фужеры, серебро, или, по крайней мере – мельхиор. Все это у меня вызывало опасение, переходящее в ужас. По залу фланировали девушки в форменных платьях, катали между столами тележки. Сигареты, мороженое, пепси-кола... Я попросил купить мне бутылку. «А, пожалуйста! Гулять так гулять!» Девушка наполнила фужер пепси-колой. Пузырьки призывно шипели. Но я побоялся начинать. Назревала неловкая ситуация. «Вот, сейчас, принесут что-нибудь, а не знаю, что с этим делать. У кого спросить. А вдруг родители – такие-же, как я? – Нет. Не должны. Они же старше. Наверное, видели что-нибудь подобное...»

Я заметил, как родители тоже немного смутились.

– Что будем?

– Давай что-нибудь знакомое!

– Таак... Салаты. «Глория», фирменный салат. Спрашивать не будем – фирменный так фирменный. Не говно какое-нибудь...

– Во! Я буду котлету по-киевски. С ней я как-нибудь разберусь.

Решили, что все закажут одно и то же. (Так – проще ориентироваться). А мне – объяснят, если что... В итоге, заказали: двести коньяка, три фирменных салата «Глория», три бульона, три котлеты «По-Киевски» и три чая. Молодой человек записал, изящно поклонился и убежал. Папа подозвал тележку и купил сигареты. Развалился в кресле, закурил и решил разрядить обстановку: «Галя! Вынимай все из сумки и выкладывай на стол. Мы здесь – не просто так. Премию обмываем. Сначала – спички». Затем, уже смеясь, добавил: «Хозяйственные!» Я тоже засмеялся. Так сильно, что сопли из забитого носа попали в фужер с пепси-колой.

– Хватит ржать! Колхоз «Сорок лет Неурожая»...

Своим поведением мы явно диссонировали с окружающей обстановкой. Принесли первую еду. Салат «Глория». То есть, тот самый, «фирменный». Мелкие кубики отварной телятины, мягкие и сочные, зеленый горошек, посеченный, и все это завернуто в большой салатный лист. И все! Ни заправок, ни майонезов. Может, маринад какой-нибудь в мясе, или заправка впиталась? Начинаем есть. Изображаем восторг и понимание.

– Ну, здорово, здорово...

– Да, фирменный. Так сейчас едят. Чтоб без майонезов... Нормально.

– Я не понял. Просто есть хочу.

Управились с салатом. Отец поднял рюмку:

– Ну... я, с вашего позволения...

– Давай, давай. На здоровье...

Мама и я ограничились пепси-колой. Потом принесли бульон. Я вообще ничего не понял. Мама сказала: «Так надо» Отец утвердительно кивнул. Бульон подали в каких-то фигурных чашках с ручками. Каждому положили по миниатюрной корзинке каких-то сухарей, и что-то размазанное по нескольким крошечным розеткам, белое, желтое и зеленое. Может быть, желтки, а может быть, эта самая пахта, все – с какой-то травой. Я поступил просто. Ссыпал сухари себе в чашку, по очереди смазал содержимое со всех розеток, и размешал. «Так буду». Получилось что-то вроде супа. Смотрю, родители делают то же самое. В общем, бульон как бульон. Дома – не хуже. Дошла очередь до основного блюда. Молодой человек разложил перед каждым новые тарелки. Распределил приборы. Вопросительно осмотрел нас. «Готовы?» Мы одновременно кивнули. Я, зачем-то, потрогал свою тарелку. «Горячая!» Я вспомнил, что мы

заказали: «Ах, да... Котлеты по-киевски...» Родители подготовили меня. Когда-то, мол, пробова-ли. В таком-то ресторане, в таком-то веке. Нежная курица, в сухарях. Внутри – бульон, то есть, резать – аккуратно. Очень вкусно. Картофель фри – везде одинаковый. И здесь, наверное, такой же, как в нашем «Севере», или в «Полете»...

Дальше началось что-то совсем непотребное. Молодой человек выкатил на тележке огромный металлический поднос, на котором были одновременно выложены все три наших порции «Котлет по-киевски». С гарнирами, какими-то розетками, горошками, картошками, травой, морковкой, и, как показалось, цветами. Начал планомерно раскладывать. Каждому – отдельную порцию. С гарнирами и цветами. Используя при этом всевозможные щипцы, ложки, ложечки, ножи, лопатки... В общем, наводил красоту.

– Ну зачем? Ну, что вы? Мы сами...

Молодой человек, едва заметно, улыбнулся.

Не помню, детально, всех своих ощущений. Ну, конечно, великолепно. Ну, конечно, вкусно. Без вопросов. Как и рассказывали. Нежная курица, в сухарях, внутри – бульон, резал аккуратно. А картофель фри – почти, как у нас в «Полете», но хуже, чем в «Севере»... Что сказать? В тот момент, я твердо решил: когда вырасту – не стану ни космонавтом, ни дипломатом, ни музыкантом, ни конструктором. Буду работать в ресторане. В таком же. Или похожем. Назову его «Глория»! Если здесь такое возможно, значит буду стараться, чтобы было возможно где-нибудь еще. Дорасту до директора. Буду сидеть в кабинете. Накидывать на плечи белый халат и выходить в зал. Буду спрашивать клиентов, все ли нравится. Потом буду возвращаться в свой кабинет. Проходить через кухню. Брать половник, пробовать суп, или рагу... «Здесь – досолите, это – переделайте... это – пойдет, а это – никуда не годится...» Я, кажется, даже зажмурился. Отец опять подозвал девушку с тележкой. Купили каждому по порции мороженого. Я такого мороженого никогда не пробовал. Даже не видел. Разноцветное, ароматное, с сиропом, с печеньками, шоколадками-мармеладками...

– Можно счет?

Молодой человек принес счет. Двенадцать рублей с копейками. Мама, естественно: «Ни фииига, себе!» Я сразу понял, что в следующий раз место будет попроще.

Вышли на улицу, побрели по Старому городу. С хозяйственной сумкой, в которой, по-прежнему, лежали спички «Хозяйственные». Мне все уже было неинтересно. Еще раз подошли к Рагуше, я фотографировал все подряд. Вышли на улочку Пикк Ялг, поднялись на смотровую. Без настроения. То есть, наоборот, под впечатлением. «Прикоснулся». С этого момента я уже разглядел четкие очертания МЕЧТЫ.

Спустились вниз. Родители подгоняют: «День проходит. А дел – еще много» Стали решать, чем будем заниматься до вечера. Я ничем не хотел заниматься. Родители настаивали на «Каубамайа». Огромный магазин. Несколько этажей. «Необходимо зайти, хотя бы, на разведку. А завтра – на штурм. По всем этажам и отделам. И уже – на машине. Багажник пустой, а это не дело.»

Вернулись в свой микрорайон. Уют и тишина – это атрибуты типичного прибалтийского быта. В магазинах – тихо, алкоголики – не шумят, дети галдят – вполголоса, даже чайки стараются кричать негромко...

Вечером посидели по-семейному. Мама немного перебрала с хозяйкой. Начались философские беседы. Обе – Галины. Галя, видимо, самое модное имя той эпохи...

– Галь, вот смотри, приезжаю к тебе, и попадаю на свой день рождения. Каждый раз – одно и то же. Чудно...

Галя задумалась, не зная, чем парировать:

– Ты знаешь... А у меня – строго в декабре. Каждый год!

Я ушел в комнату. Пытался заснуть при свете. Не получалось. Грезы не давали: «Какая она будет, будущая жизнь? Если такая же, как в Глории, то я – не против. Главное, играть в

ней ведущую роль. Ведь, кто-то таскает эти тележки с мороженым, раскладывает по тарелкам котлеты по-киевски, а кто-то – все это ест...» Под такие раздумья и заснул.

Утренняя толчея в ванной. Я как всегда жду. Мне, в этом смысле, меньше всех надо... Сели в машину. Поехали, как решили, в Каубамайа. Папа всю дорогу изумлялся вежливостью местных водителей. Доехали до центра, припарковались напротив гостиницы «Виру». Мимо прошел старичок с окладистой бородой. Я подумал: «Что-то с ним не так». Понял: старичок был в шортах, в обыкновенных коротких шортах. Гордо, даже немножко вальяжно, подошел к переходу, дождался зеленого света, и зашагал. Я смотрел на него, как гипнотизированный. Моментаً представил своего деда в шортах. Зрелище – не очень. Не то, чтобы – некрасиво, просто дико. Потом принялись атаковать универмаг. В два голоса и в четыре ноги. Дирижировала, естественно, мама. Меня оставляли сидеть на скамейках. Их, слава Богу, было – в достатке. Так пролетело полдня. Родители, время от времени, выносили пакеты, коробки, свертки. Багажник постепенно заполнялся. Потом содержимое еще и утрамбуют, чуть позже – в ход пойдут багажник на крыше, веревки и изолента. Периодически что-то покупали для меня. Вынесли ботинки. «Надевай, если малы – поменяем». Я запихнул ногу, вспомнил слово, которое родители использовали в таких случаях, и буркнул: «Влитые.» Ну и слава Богу. Потом начали мне доказывать, как это красиво, модно, практично и так далее... «Главное, тебе – УДОБНО? Ну хорошо, носи в машину» А мне все это было совершенно безразлично. Я уже захотел есть. Согласились пообедать. День перевалил за экватор. Пошли искать пристанище. Опять зашли в Старый Город. Опыт с Глорией решили не повторять. Набредли на какой-то ресторан. Их в Старом городе было достаточно. Вот тут мы с отцом разошлись в деталях. Я отчетливо помню табличку «NORD», а отец, почему-то, настаивал, что заведение называлось «Лисья нора». Или «Рыжая лиса». Сам не помнит уже. В итоге – очередной шок, и закрепление итогов революции. Подождали у входа. Дождались, пока пригласят. Ресторан оказался трехэтажным. Стилизован под охотничий. Трофеи, ружья, картины, аквариумы... При входе нам вкратце объяснили, что первый этаж – рыбный, второй – вроде, как птичий, то есть пернатый, а третий – для более серьезных животных. Поднимаемся на третий этаж. Полумрак, высокие кожаные кресла, были видны одни макушки, да и то, не у всех. Говорят – не то, что шепотом, казалось, что вообще – губами. Проводили к столу принесли и раскрыли меню. После вчерашней Глории, я вел себя более уверенно. Стал читать, родители – тоже: Кабанина, лось, заяц, олень, какие-то ягоды, можжевельник...

– Пошли отсюда. Какая нафиг кабанина? Какой лось? Ты знаешь, как это есть? А если принесут, например, в перьях?

– А куда еще? В столовую?

Уходить не стали. Подозвали официанта. Не помню, что заказали, что ели, сколько стоило, вкусно-невкусно... Помню, что МЕЧТА засияла еще ярче. Она уже кричала. И по-другому жить будет уже невыносимо. Поели, расплатились, вышли на свет. Я – опять под впечатлением. «Вот, посмотри: Нигулисте, а вот – Братство Черноголовых...» А мне – все равно. Абсолютно. Подошли к какой-то башне. Табличка. «Кик ин де кёк». Мама убедилась, что я войду. Поднялись по крутой винтовой лестнице. Вроде, интересно... «Загляни в кухню», доспехи, щиты, копья. А я думаю: «Какая может быть башня, если у меня внутренний мир – перевернулся!»

Сейчас я иногда задумываюсь: было ли в тогда Таллине что-то, кроме тех ресторанов? Да конечно было! Был и Кадриорг, было кладбище в Пирита, больше похожее на парк. Туда – нужно было попасть. Там был похоронен муж Галины. Еще мы ездили на море, в Кейла. А еще – в сказочный городок Раквере. Запомнил огромную ветряную мельницу. Купили всем вязаные тапочки. Именно тапочки и почему-то, именно там. А еще купили целую упаковку больших полиэтиленовых пакетов, с этой самой мельницей и надписью RAKVERE. Тогда пакеты были в большом дефиците. Пользовались ими около года. На обратном пути – поколесили по окрестностям Таллина. Посмотрели на Певческое поле. Огромное количество молодежи.

Все катались на каких-то диковинных роликовых досках. Они называли их «Рула». Теперь – это обыкновенные скейтборды. Я умолял родителей купить. «Я же буду самым «модным!» Не купили, дорого... Я согласился с убеждением, что у нас и ездить-то негде, на этой «руле». Потом мы ходили в местную общественную баню. Папа хотел удостовериться, что бани – везде одинаковые. Те же парилышки, те же веники, только пушистые, те же простыни, только белые, то же пиво, только эстонское, те же – байки, только по-эстонски. Отца удивляло, что, помимо обычной парилки, доставшейся, видимо от советской власти, там есть еще и финская, и, какая-то, римская, и, даже, турецкая. Вот вам и общественная баня. Потом мы съездили на пляж, потом заглянули в маленький городок Саку. Там был пивзавод. Отец сказал, что ничего подобного в жизни не пробовал. «Они точно раньше в Эстонии бывали? Может, не в Эстонии? Ну все в диковину». Потом нам показали местный рыболовецкий колхоз-миллионер, который был больше похож на пансионат. Игрушечные домики, космические корпуса... Потом был День Ивана Купала. Родители отпустили меня с тетей Галей на озеро. Было интересно. Молодежь, национальные костюмы, венки, массовые купания. Много песен. Когда шли обратно, меня поразило, что вся эта огромная толпа, дойдя до небольшого перекрестка, резко остановилась, когда загорелся красный. Пять часов утра. Дорога шириной не более десяти метров. Ни одной машины. А они стоят!

В эти дни о серьезных ресторанах родители предпочитали не вспоминать. Дорого, некогда и не за чем. Хорошего – понемногу. Убедились, что так тоже бывает, и хватит. Для меня наступили совсем тоскливые дни. Тем более, после того, как решили, на обратном пути – не останавливаться в Любаве. Ели – только дома, или вообще на бегу. Меня порадовало местное мороженое с названием «Регата». Эскимо в шоколаде, за 28 копеек. Непередаваемо вкусно. Я его уплетал при каждом удобном случае, и мама относилась к этому лояльно. Другой кулинарной радости она предложить не могла. Правда, был один момент... Кофейня в старом городе. Прямо перед началом подъема на смотровую. Я там первый раз в жизни увидел чашку, размером с наперсток, и миллион разновидностей пирожных. Таких маленьких, что каждое можно было накрыть моей детской ладонью. После наших кафетериев, с гранеными стаканами, приторными корзинками, «картошками» и эклерами, размером с батон – выглядело впечатляюще...

Пролетела неделя. Пора собираться. Приступили к сборам. Нагруженный жигуль больше походил на пакистанский грузовик, который я видел в журнале «Вокруг света». Задний багажник утрамбовали в несколько рядов, заполнили каждую щель. Сверху разложили мои грампластинки, и, надавив шестью руками – закрыли. В надежде открыть его – уже дома. На крыше возвышались чемоданы и коробки, накрытые пленкой, на случай дождя. Пригодились припасенные веревки. Пригодилась даже изолента.

Дождь, естественно, приключился, превратив упаковку в тряпье. Содержимое, к счастью, не пострадало. Подытожили покупки. Всем досталось. В хорошем смысле. Папе, маме, бабушке, дедушке, тетке... Одежда, обувь, посуда. Банки, кастрюли, какие-то ножи. А еще удочки, снасти, пиво, сигареты. Всего не упомяну. Лучше всех обеспечили меня. С ног до головы. Плюс всевозможные игрушки, настольные игры, жвачка, переводные картинки. Все – с иностранными буквами. Класс! Хотели купить местную школьную форму. Курточка, брюки, фуражка. Из другой ткани, другого покроя. Нельзя. Нет местной прописки. Мол, самим мало... Всяким, еще, продавать... Зато нам продали школьный дневник. На эстонском. Я им щеголял весь год.

На рассвете двинулись в путь. Моросил дождик. Заправились на эстонской заправке. За деньги. Эстонцы не признавали советских талонов. Зря только брали с собой целую пачку. Проезжали мимо тех же сказочных городков, игрушечных поселков... Они теперь выглядели какими-то унылыми. В унисон с моим настроением. Ближе к границе решили купить какой-нибудь еды. Хлеба, колбасы, в общем, что увидим... Городок Силламяэ. Свернули. Въехали.

На улицах – заметно грязнее. Зашли в магазин. Бросилось в глаза большое количество работяг, каких-то неопрятных мужиков. И шумно, прямо гвалт. Понятно: знакомая речь. Я потом узнал, что это – русский городок. Отсюда и разница. Стало грустно. И обидно. Доехали до границы. Переехали Нарву. Миновали Ивангород. Вернулись к родным дорогам, ямам и гайшиникам. В городе Кингисепп решили сделать остановку. Остановились возле магазина с вывеской «Спорт». Зашли. Ассортимент удивил. Форма для каждого вида спорта: майки, трусы, куртки, даже кимоно. Штанги, гири, гантели, клюшки, мячи, сетки, лыжи, лыжные ботинки... По тем временам – рай для провинциальной спортшколы. И тут, родители решились на беспрецедентный поступок! До сих пор не пойму, что ими в тот момент двигало. В общем, мне купили... футбольный мяч. Не просто мяч, а... МЯЧ! Кожанный, с черными и белыми пяти- и шестиугольниками. Настоящий. За двадцать пять рублей. По тем временам, бешеные деньги. У нас во дворе такой мяч называли «ромбиковым». Обладатели подобных мячей пользовались во дворе большим авторитетом. Теперь я тоже был в их числе.

Рванули домой. Без остановок. От заправки – до заправки. Обогнули Ленинград. Промчались мимо Любавы. Ехали, ехали, ехали. Папа рулил. Рулил и курил. Мама сверялась с картой, комментировала. Я грустил. Я прощался с «той» жизнью. С моментами, когда я заглядывал «туда», осторожно, сквозь щель, на цыпочках... Жизнь, в тот момент, реально поделилась на «до» и «после». Замаячила ЦЕЛЬ, обозначилась МЕЧТА. Жизнь заиграла новыми красками. Заиграла и перестала. Внезапно.

Проехали Валдай. Дорога казалась бесконечной. И казалась не такой живописной. Через несколько часов мы въехали в город с названием Вышний Волочек. Папа очень устал. Надо было искать гостиницу. В итоге, нашли... Называлась, кажется, «Березка». Обшарпанное трехэтажное здание. Неопределенного цвета. То ли – розового, то ли – желтого, не помню, были сумерки. Нам дали немислимый «номер». Три кровати и тумбочка. Родители сказали: «Слава Богу, что вообще дали...» Машину посоветовали не оставлять под окнами, мол, неспокойно. Сказали, что лучше оставить у милиции, безопаснее будет. Нашли ближайшее отделение. Оставили нашу навьюченную машину. Дежурный безразлично махнул рукой. Потом несколько кварталов пилили обратно. На первом этаже гудел ресторан. «Ах, Одесса! Жемчужина у моря...». Через некоторое время мы отключились, не обращая внимания на ритмичный грохот. Засыпая, мама рассказала, что в этот город, в голодные двадцатые годы, еще ребенком, перевезли мою бабушку. Отсюда она рванула на Дальний Восток. Буквально, рванула. Заскочила в поезд и поехала. С какими-то непонятными «хитогуровцами». Так попала в Комсомольск. Потом – пароходом, на Камчатку. Устроилась завклубом. Боевая девчонка. Потом появились старшие сестры, потом – мама... Через какое-то время появился я. Но это уже, как говорится, совершенно другая история...

Много лет спустя, в эпоху расцвета интернета, я захотел еще раз посмотреть на места, где бывал ребенком. Больше всего, меня интересовал, конечно, Таллинн. Это объяснимо – «революция в мозгах, утоление жажды познания», и все такое... Отыскал. Начал виртуально бродить. Таллинн показался таким же игрушечным, сказочным. Особенно, центр. Ратуша, Нигулисте, Толстая Маргарита... Знакомые дома, улицы, адреса... Многое, безусловно, изменилось. Наткнулся на ту самую «Глорию». Оказывается, это, с тридцать седьмого года – визитная карточка ресторанного Таллина. Так сказать, гордость и эталон. Здесь принимали высокие делегации. И принимают до сих пор. Здесь обедали Папа Римский, Мик Джагер и еще куча селебрити. «Тогда все понятно... А мы еще... Спички «Хозяйственные»! Бульон с сухарями... Салат не понравился! Мясо тебе с горошком!

А, вот с другим рестораном – неувязочка. Ни «Норда», ни, тем более, «Рыжей лисы» я не нашел. Набрел на «Лисью нору», но она показалась мне обычной забегаловкой. Да и то, закрылась давно... Ну не приснилось же всем троим?

...Забыл сказать. Легенды – легендами, но трубочисты по Таллину тогда не ходили. Не помню такого. Не увидел. Да, впрочем, я и не всматривался... Поэтому, наверное, удача от меня часто отворачивается...

ГЛАВА III

ЛИТВА. ДУ АЛУС.

Это было еще в институте. Однажды, на большой перемене, подбегает ко мне мой приятель Володя по прозвищу Зил. Мы были с ним в таких отношениях, которые и дружескими назвать – язык не поворачивался. В том смысле, что мы были почти как братья. Я даже жил у него в квартире. Его мама пригласила меня просто пожить. Причем, бессрочно. Чтобы Володя не скучал. И ей спокойнее.

В общем, подбегает он ко мне и, запыхавшись, выдает:

– Майкл, есть тема – в Каунас поехать! И всего за 320 рублей. По профсоюзной линии. Ты только не говори ничего. Я уже оформил две путевки. Вот. Благодарить необязательно.

– Почему так дешево?

– Говорю же – профсоюз.

Я не знал, как реагировать. Тогда триста рублей было – как сейчас пива попить. До отвала. Но дешевого. А тут – Каунас. Да еще на поезде. Гостиница. Экскурсии. Мы и понятия с ним не имели, что такое туристические поездки. Чем одна гостиница отличается от другой, что означают звезды и все такое. Одним словом, студенты. Да и времена тогда были... В магазинах – шаром кати. Одевались черт те как. Барахолки, комиссионки, фарца. Это если денег нашел. А откуда могли найтись деньги? Стипендия копеечная. Родительские переводы. Да иногда фуру-другую разгрузим. Долги раздать.

Короче, Каунас. По тем временам – чистая авантюра. А было это, как вы поняли – в начале девяностых. К этому времени рассыпалась, как карточный домик, наша великая держава. Первыми стали заявлять о своей независимости прибалтийские республики. В обиход вошла странная аббревиатура, СНГ. Безвольный Горбачев без боя передал власть взбалмошному Ельцину. Он постоянно «обращался к народу». И каждое свое обращение начинал словами «Дорогие россияне». Началось форменное сумасшествие. К нашей беззаботной студенческой жизни, с гитарами и романтикой, стали приклеиваться незнакомые атрибуты. Коммерция, обменники, криминальные сводки, братва... Мы старались не замечать эти подозрительные стороны новой реальности. Жили своей жизнью. Беспутной, пьяной, голодной... Но своей.

Приближались рождественские каникулы. По-европейски. Вместе с ними – сессия, на которую я, по обыкновению, забил. А после сообщения о поездке – окончательно.

Надо подготовиться. А что значит – подготовиться? Погладить имеющуюся одежду, в душ – и поехали. Никакого понятия о полотенцах, шампунях, расческах, фенах, утюгах. «Полотенца в гостиницах выдают. Мыло обычно лежит на умывальнике. Зубы почистим жвачкой. Умоемся – в поезде.» Решили, что поедем «нарядными». Все-таки заграница, хоть и условная. Оба натянули «стильные» ковбойские сапоги. Оба отыскивали довольно приличные штаны. Я напялил теплую бургерскую кепку. У кого взял – не помню...

Тетя Элла, володина мама, выступила с напутственным словом: «Мальчики, я вам немножко завидую! Каунас – это, конечно, еще не Германия, но уже немножко Европа. Вы прикоснетесь к совершенно другому миру. Если покажется, что там пока что-то не устроено, не обращайтесь внимания! Это временные трудности. Я уверена, все у них со временем будет хорошо. Там столько интересного! Один Чюрленис чего стоит! Майкл, вы же обязательно пойдете в музей Чюрлениса? Музыка и живопись! Он находил высшую связь. Метафизика. Это так интересно. Пообещайте, что за эти четыре дня посетите максимальное количество музеев, галерей, выставок!» Она говорила о выдающихся людях, имеющих отношение к Литве. О мистической связи литовцев с древними ариями, гиперборейцами и кем-то еще... Потом она вспомнила что великий Томас Манн, будучи немецким писателем, воспевал литовские дюны

и даже построил себе небольшую дачу на Куршской косе. Майя Плисецкая и ее муж Родион Щедрин частенько навещают в Литву, и, скорее всего первыми из россиян получают литовские паспорта... «А янтарь, Майкл, янтарь!» Она достала старинную шкатулку и выложила на стол бусы и браслет. Я слушал, разинув рот. Познания тети Эллы поражали. Филолог, переводчик, восемь языков... Зил, опустив голову, изображал безразличие: «Мам, не грузи! Сходим.»

– Майкл, я на тебя надеюсь...

– Конечно, Тетя Элла. Не переживайте. Мы постараемся...

Наступил день отъезда. Мы побросали в сумки алкоголь, чистое белье, носки, пару свитеров... Встретились с группой перед самым отправлением. Зил всех знал. Я – только некоторых. Главным образом, это были, алкаши с кафедры бурения. Работали, как ни странно, преподавателями. Преподающими что-либо их никто не видел. Было еще несколько женщин романтического вида. В наших сумках заманчиво позвякивали бутылки. Фирменный поезд Москва-Каунас. Облезлая табличка «Лиетува» на многократно перекрашенном вагоне. Расселись по местам. Типичный плацкарт. Тепло. Запах горящего угля. Безликая проводница в синей форменной шинели. Попутчики и попутчицы. Молодые и пожилые. В основном, простые люди. Пока все было мирно. Поезд тронулся в 19.30. Через пять минут прошла проводница и предложила чай.

– Нее, спасибо. Нам только стаканы. Если можно.

– Только с чаем.

Пришлось купить два стакана кипятка. Зил сходил в туалет и вылил содержимое. Чайные пакетики и сахар распахал по карманам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.